

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-19-54

ПЕРЕПИСКА Ю. Г. ОКСМАНА И Н. К. ГУДЗИЯ (1930–1965)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© М. А. ФРОЛОВА)

(Окончание)*

30¹

5/I 59 <Москва>

Дорогой
Юлиан Григорьевич!

Только сегодня, явившись на заседание Комиссии по истории филологич<еских> наук в ОЛЯ,² узнал твой адрес, и потому только сегодня получил возможность сердечно поблагодарить тебя за новогоднее поздравление и — со своей стороны — поздравить тебя с Антониной Петровной с новым годом и обим вам пожелать всего того, что может пожелать друг своим дорогим друзьям.

Я лишь неделю назад вернулся из Чехословакии, где пробыл свыше трех недель, все время испытывая самые приятные впечатления и от страны, и от людей, и от большой культуры. Жил в Праге и в Брно. В Праге гостил, в Брно — читал 5 лекций по древнерусской литературе и одну — о Толстом. При свидании расскажу тебе подробно о своих впечатлениях от путешествия, а видеть тебя очень хочу.

Жаль, что не могу связаться с тобой по телефону.

Сегодняшнее заседание бюро Комиссии прошло при очень малочисленном составе членов и не было очень продуктивным. Кроме меня, присутствовали Горнунг, Абаев, Бархударов. Отсутствовал секретарь Козьмин, т. к. вчера скорострительно (от инфаркта) скончалась его мать — Тамара Николаевна. Всего полгода после смерти Бориса Павловича она прожила.³ Сколько смертей за короткий срок выпало на долю этой семьи!

Числа около 15-го бюро соберется вновь, и я прошу тебя на этот раз посетить заседание.

Обнимаю тебя. Искренний привет Антонине Петровне.

Твой Н. Гудзий

¹ За 1957–1958 годы в архиве Н. К. Гудзия сохранились лишь три поздравительные телеграммы Ю. Г. Оксмана: датированные 3 мая 1957 года, днем 70-летия Гудзия («СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ДОРОГОГО ДРУГА ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО УЧЕНОГО БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА ЖЕЛАЕМ СЧАСТЬЯ НОВЫХ ДОСТИЖЕНИЙ = ОКСМАН»), 22 декабря 1957 года и 20 декабря 1958 года. В архиве Оксмана письма и телеграммы Гудзия за этот период отсутствуют.

* Начало публикации см.: Русская литература. 2020. № 4. С. 136–185.

² В 1957 году Оксман стал членом Бюро Комиссии по истории филологических наук при Отделении литературы и языка АН СССР (далее — ОЛЯ), но активно участвовал в ее работе уже с осени 1956 года («Искренне ваш Юл. Оксман»: Письма 1914–1970 годов / Публ. М. Д. Эльзона; предисловие В. Д. Рака; прим. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона // Русская литература. 2004. № 1. С. 170; далее ссылки на эту публикацию приводятся сокращенно, с указанием года выхода и номера журнала и номеров страниц). Председателем Комиссии был Гудзий. В его архиве сохранилось большое количество материалов, связанных с деятельностью Комиссии в 1954–1965 годах (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 12. № 9–19), в том числе — проект 1-го выпуска «Трудов» Комиссии (1959–1960 годы; Там же. № 9) и приложения «О задачах и типах изданий трудов филологов прошлого» к проблемной записке «История филологической науки», составленной Б. В. Горнунгом (Там же. № 13).

³ Горнунг Борис Владимирович (1899–1976) — лингвист, поэт, мемуарист, переводчик; Бархударов Степан Григорьевич (1894–1983) — лингвист, педагог, в 1953–1975 годах — заместитель академика-секретаря ОЛЯ; Абаев Василий Иванович (1900–2001) — иранист, этимолог, с 1950 года работал в Институте языкознания АН СССР в Москве (ранее — в Яфетическом институте, Институте языка и мышления, Институте языкознания АН СССР в Ленинграде); Козьмин Мстислав Борисович (1920–1992) — литературовед, в 1954–1960 годах — ученый секретарь ОЛЯ, сын Б. П. Козьмина (скончался 5 июля 1958 года) и египтолога, специалиста по античной истории и культуре Тамары Николаевны Козьминой (урожд. Бороздиной; 1889 — 4 января 1959). См. о ней: *Томашевич О. В.* Т. Н. Бороздина-Козьмина — ученица и наследница дела Б. А. Тураева в Музее изящных искусств // Памятники и люди: Сб. / Науч. ред. К. К. Искольдская. М., 2003. С. 122–140. 14 августа 1958 года Оксман откликнулся на смерть Козьмина в письме И. Г. Ямпольскому: «Умер Б. П. Козьмин, смерть которого была ускорена страшными квартирными условиями, безденежьем, провалом в Инст<итуте> истории его кандидатуры в члены-кор<респондент>ы. А ушел он из жизни — и образовалась пустота, всеми явственно ощутимая, ибо это был настоящий большой человек, незаменимый специалист, ученый самого высокого класса» (Русская литература. 2004. № 1. С. 189).

31

Дорогой друг,

Спасибо тебе сердечное за прекрасную книгу.¹ Желаю тебе от души скорее физически обновиться так, чтобы скинуть с себя раз и навсегда бремя всяческих недугов. Удач тебе всяческих в жизни, в науке, во всем, во всем. Обнимаю тебя, вдуваемый кислородным нагнетанием, как и ты,

16/III 60 <Москва>

Н. Гудзий

Р. С. Пожалуйста, дай окончательные инструкции Лиде,² как написать проспект издания «Воскресения» в «Лит<ературных> пам<ятниках>».³

Н. Г.

¹ Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева: Пушкин — Рылеев — Кольцов — Белинский — Тургенев: Исследования и материалы. Саратов, 1959.

² Л. Д. Опульская.

³ Речь идет о начальных этапах подготовки издания: *Толстой Л. Н.* Воскресение / Изд. подг. Н. К. Гудзий и Е. А. Маймин; отв. ред. Л. Д. Опульская. М., 1964 (сер. «Литературные памятники»). В этом томе Опульской принадлежат также несколько страниц комментария к роману. В сентябре 1959 года Оксман был введен в редколлегия академической серии «Литературные памятники», впоследствии подготовил к изданию «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина и том избранных литературно-критических статей Н. А. Добролюбова «Русские классики», участвовал в редактуре работ своих коллег, писал отзывы и внутренние рецензии на заявки и намеченные к выпуску тома серии (*Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана // Литературный факт. 2018. № 9. С. 408).

19/IV <1960 года. Ялта>

Дорогой Николай Каллиникович,

из вьюжной, холодной и больничной Москвы я без всяких переходов очутился вдруг у самого синего моря, в солнечной весенней Ялте, где все цвело, все радовало глаз, все будило к жизни. Прошло после этого уже две недели сладкого кейфа, полной беззаботности, безответственности и покоя*. Погода изменилась, второй день идет дождь, солнце перебралось в Москву, но меня и это не печалит: «чувство выздоровления есть одно из самых сладостных».¹ Надолго ли я возвращусь к жизни — сказать трудно, календарные 65 лет оказались для меня и в самом деле вехой большого перелома, но <я> пока что не в силах изменить ни свой быт, ни свой нрав, хотя понимаю, что это совершенно необходимо.

Вот, напр<имер>, прочел в «Известиях» от 16 апреля статью П. А. Зайончковского «О честности в науке» — и мне захотелось написать в те же «Известия» нечто вроде продолжения этого исключительно актуального фельетона.² Написал о Самарине, о Волкове, о Бабкине, о Григоряне и других отставных топтунах, бесчестящих нашу науку. Не дашь ли ты еще на заправку пару украинских светочей — вроде Кирилюка?³ Хотелось бы написать и о головенченках — их ведь в Москве «несть числа»...⁴ Написал об А. А. Волкове — и вспомнил, что мы с тобой в долгу перед памятью Романа Мих<айловича> Волкова. Надо что-ниб<удь> дать в сборник его памяти, организуемый в Черновицах. Поройся в своих закромах — и переделай в небольшую статью какую-ниб<удь> «внутреннюю рецензию» — их у тебя ведь хватит на пять томов.⁵ Мы обязаны с тобой организовать и сб<орник> по ист<ории> фил<ологической> науки.⁶ Обязательно напиши Н. К. Пиксанову — он может дать и статью историографическую, и рецензию, и даже материалы (напр<имер>, письма Сакулина, Луначарского, Венгерова).⁷ В Москве я буду 2 мая.

Сердечный привет Татьяне Львовне и тебе от нас обоих

Твой Юл. Оксм.

* Я очень подружился здесь с Паустовским.⁸

Год установлен по содержанию.

¹ Пушкин. <Из автобиографических записок> («...лины печатью вольномыслия...») <1826>.

² 16 апреля 1960 года в газете «Известия» была опубликована статья историка, источниковеда, библиографа Петра Андреевича Зайончковского (1904–1983) под названием «О честности в науке». Основываясь на критике литературоведческих и философских работ, а именно — В. Г. Баскакова «Мировоззрение Чернышевского» (М., 1956), И. В. Гуторова «Философско-эстетические взгляды А. С. Пушкина» (Минск, 1957), работ И. Я. Щипанова о Фонвизине, статья обличала плагиат, фальсификацию и вульгаризацию в научной литературе. В частности, работа Баскакова о Чернышевском была названа автором статьи образцом «самого бесцеремонного обращения с фактами». Задолго до появления статьи Зайончковского, в 1956 году, Оксману дважды представилась возможность выступить на обсуждении книги Баскакова. 3 августа Чуковский записал в дневнике: «Я прочитал стенограмму речи, произнесенной Оксманом 18 июня 56 г. в Саратовском университете при обсуждении книги В. Баскакова. Речь, направленная против „невежества, воинствующего, грубо претенциозного, выращенного в столичных инкубаторах, воспитанного годами безнаказанного конъюнктурного лганья и беспардонного глумления над исторической истиной“». Речь потрясающая — и смелая, и великолепно написанная» (Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2007. Т. 13. Дневник (1936–1969) / Комм. Е. Чуковской. С. 216). Помимо этого, упомянутого Чуковским, выступления Оксмана на открытом заседании кафедры русской литературы Саратовского государственного университета (далее — СГУ), в декабре того же года он принял участие в обсуждении книги Баскакова в Институте философии АН СССР (Оксман Ю. Г. Отчеты о научно-исследовательской работе за 1954–1963 годы // РГАЛИ. Ф. 2567.

Оп. 1. № 1090. Л. 10; *Неводов Ю.* Обсуждение книги В. Г. Баскакова «Мировоззрение Чернышевского» // Новая Волга: Лит.-худож. и обществ.-полит. альманах. Саратов, 1956. Кн. 25. С. 167–172. См. также: *Неводов Ю., Островский В.* Рецидив старых ошибок (О книге В. Г. Баскакова «Мировоззрение Чернышевского») // Сталинец (Саратов). 1956. 23 июня. № 23. С. 2).

³ В 1960-е годы Оксману удалось осуществить этот замысел лишь частично. Сохранились его заметки, объединенные общим заглавием «Литературные портреты» (но имеющие отдельные подзаголовки) и посвященные И. И. Анисимову («Памяти одного псевдо-ученого гангстера») и И. Л. Гринбергу («Фигуры не имеет»). Подобным одиозным фигурам, среди которых — В. В. Ермилов, Ф. Н. Петров, К. Л. Зелинский, посвящены несколько набросков и дневниковых записей Оксмана (см.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 7, 8). О литературоведе Анатолии Андреевиче Волкове (1909–1981), авторе целого ряда директивных, разгромных статей, Оксман упомянул, выступая на заседании Совета по критике при Правлении Союза писателей СССР и ИМЛИ 20 сентября 1962 года: «...Волков не принадлежит к светлым явлениям нашего литературоведения, его труды отражают период самой бессовестной конъюнктурности. Разверните его книги — серые, мертвящие, дискредитирующие нашу советскую науку» (*Фролов М. А.* «Дух бодр и охота к работе прежняя...». Из переписки Ю. Г. Оксмана и А. В. Флоровского (1962–1968) // *Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева* / Ред.-сост. Е. Р. Пономарев, М. Шрубба. М., 2019. С. 623–624). Также в письме упомянуты: литературовед, специалист по творчеству Т. Г. Шевченко, с 1957 года — член-корреспондент АН УССР Евгений Прохорович Кирилюк (1902–1989); литературовед, издательский работник, специалист по творчеству А. Н. Радищева Дмитрий Семенович Бабкин (1900–1989), на момент написания письма — старший научный сотрудник ИРЛИ. О нем упомянула в своих воспоминаниях Л. М. Лотман: «„Начальственный“ литературовед Бабкин написал книгу о Радищеве, и пошла слухи, что часть его работы — плагиат, что он „защитил“ ее у своих предшественников. Б. В. <Томашевского> привлекли как эксперта. Он „защитил“ Бабкина, но своеобразно. Его заключение состояло в том, что работа очень плохая, и так плохо мог написать только Бабкин, т. е. плагиата не было» (*Лотман Л.* Воспоминания. СПб., 2007. С. 137); Григорьян Камсар Нерсесович (1911–2004) — литературовед, специалист по армянской литературе, творчеству М. Ю. Лермонтова, на момент написания письма — старший научный сотрудник ИРЛИ; Самарин Роман Михайлович (1911–1974) — специалист по западноевропейской литературе, заведующий Отделом зарубежной литературы ИМЛИ (1953–1974), декан филологического факультета МГУ (1956–1961); активный участник политических кампаний, проработок и «чисток» (см.: *Русская литература. 2005. № 4. С. 162*). Особый сюжет в биографии Оксмана, связанный с затронутой темой, — подготовка с 1962 года и распространение в 1963 году его меморандума «Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых» (*Социалистический вестник. 1963. № 5/6. С. 74–76*, подп.: NN; *Новое русское слово. 1963. 8 июля. С. 2*, подп.: NN; *Русская мысль. 1963. 3 авг.* (в сокращении под заглавием «„Сталинисты“ среди советских писателей и ученых», подп.: NN); в английском переводе Г. П. Струве анонимно: *Forum Service. 1963. 29 июня*; републиковано: *Русская литература. 2005. № 4. С. 161–163*). Текст меморандума Оксмана посвящен Я. Е. Эльсбергу, Н. В. Лесючевскому, Р. М. Самарину, Д. С. Бабкину, В. В. Ермилову и их жертвам.

⁴ Оксман упоминает в нарицательной форме имя Федора Михайловича Головенченко (1899–1963) — литературоведа, специалиста по древнерусской литературе, творчеству Белинского, Чернышевского; в 1945–1948 годах он возглавлял Гослитиздат, с 1948 года — заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), организатор и активный участник разгромных политических кампаний, в частности по борьбе с космополитизмом.

⁵ Оксман написал заметку о литературоведе, фольклористе Романе Михайловиче Волкове (1885–1959) для «Краткой литературной энциклопедии»: *Оксман Ю. Г.* Волков Роман Михайлович // *КЛЭ. 1962. Т. 1. Стб. 1019–1020*. По всей видимости, упоминаемый в письме сборник памяти ученого не вышел в свет. Вместе с тем в 1960 году в Черновцах была издана его монография: *Волков Р. М.* Народные истоки творчества А. С. Пушкина (баллады и сказки). Черновцы, 1960. См. также письмо Оксмана П. Н. Беркову от 8 мая 1959 года (*Русская литература. 2004. № 2. С. 194*).

⁶ Судя по письмам 1959–1961 годов, Оксман принимал большое участие, как организационное, так и составительское, в попытках вернуться к подготовке этого, так и не вышедшего в свет сборника — привлекал к участию коллег, разрабатывал предварительный композиционный план (см.: *Русская литература. 2004. № 2. С. 199, 210, 218, 234*).

⁷ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — государственный и общественный деятель, публицист, драматург, литературный и художественный критик; Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — литературовед, библиограф, педагог, основатель Пушкинского семинария при Петербургском университете, учитель Оксмана.

⁸ Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968) — писатель, сценарист, журналист.

22/IV 60 <Москва>

Дорогой друг!

Получив от тебя сегодня письмо, спешу поблагодарить тебя за внимание, за память и тороплюсь ответить тебе, т. к. в день твоего приезда в Москву (2-го мая) я уезжаю (улетаю) в Вену в качестве председателя международной комиссии по истории филологических наук на первое заседание, на которое съедутся члены комиссий по одному из каждой славянской страны, затем — из Англии, Франции, Италии. В виде исключения кроме меня, по моему представлению, едет и В. В. Виноградов, если только неудача с получением Ленинской премии не отобьет у него желание ехать в «чужие края». По моим расчетам пребывание наше в Австрии займет не больше недели. В связи с предстоящим отъездом я занят написанием доклада об изучении истории филолог<ических> наук в России и в СССР.¹ Одновременно штопаю книжку о Толстом.²

Завидую тебе, мой друг, по поводу твоего пребывания на Южном берегу, у моря. Там проводил я годы своей молодости в 1918–1921 гг.³ Это было мое *Wanderjahre*,⁴ там я познакомился и сблизился с моей первой женой, когда-то красавицей, а сейчас жалкой старушкой, одинокой и не знающей, куда ей приткнуться, ищущей забвение в водке. Крым я люблю больше Кавказа: в нем больше седой древности, тут и античные реминисценции, и Бахчисарай, и Инкерман, и дивный Севастополь с изумительным по величественности и красоте подъездом к нему со стороны Симферополя. Мечтаю пойти по твоим стопам и в апреле — мае побывать в Ялте, но для этого нужно окончательно порвать с университетом, привязывающим к себе принудительным расписанием, которое нарушал только поездками в Киев и иногда за рубеж.

Разделяю вполне твоё весьма положительное отношение к статье П. А. Зайончковского. Я позвонил ему, получив твоё письмо, но, оказывается, ты сам ему написал. Что тебе сказать о твоём решении написать в «Известия» о тех, о которых ты мне сообщил. Зайончковский все-таки написал о «выдающихся» фигурах со знаком уголовников от науки. Я бы исключил из них прежде всего Кирилюка. Он мало талантлив, но добропорядочен. Остальные еще не достигли того уровня, которого достигли Гуторов, Щипанов, Баскаков. Таких, как ты упоминаешь, бесконечное множество. К примеру еще — Сидельников, Василенок («фольклористы»), да мало ли кто! Едва ли «Известия» пойдут на сплошную чистку, на освобождение нашей науки от плевел.⁵

Постараюсь придумать что-нибудь для сборника памяти Р. М. Волкова.

В комиссии у меня вместо бездействовавшего Козьмина энергичная пока — год З. С. Шепелева,⁶ рекомендованная мне Н. Ф. Бельчиковым. Бывает и так.

Дружески тебя обнимаю. Сердечный привет Антонине Петровне и тебе.

Твой Н. Гудзий

Как это ни странно, я и Паустовский — оба киевляне — знакомы не лично, а только по однократной переписке.⁷ К<онстантина> Г<еоргиевича> я очень ценю и уважаю. Привет ему от меня.

¹ В списке работ за 1960–1961 годы Гудзий указал: «Основные моменты в изучении истории славянской филологии в России — СССР, 1960, Вена, 30 стр.» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 13. № 6. Л. 16). Этот доклад был опубликован: *Wiener slavistisches Jahrbuch* (Wien). 1960. Bd 8. S. 9–27. Там же на с. 200–202 опубликовано и заключительное слово Гудзия на заседании комиссии.

² Гудзий Н. К. Лев Толстой: Критико-биографический очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1960. Книга была сдана в набор в июле, а в свет вышла в ноябре.

³ В годы Гражданской войны Гудзий был профессором Таврического университета, активным членом Таврической ученой архивной комиссии, Общества философии, истории и социологии при Таврическом университете, с июля 1920 года был председателем Литературного общества им. А. П. Чехова; подробнее см.: *Филимонов С. Б.* 1) Интеллигенция Крыма времен Гражданской войны об исторических судьбах России и Украины // Историческое наследие Крыма: научный журнал. 2006. № 12/13. С. 171–175; 2) Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь, 2010. С. 43–47, 96–98, 241–272.

⁴ Годы скитаний (*нем.*).

⁵ Гудзий называет, в частности, имена фольклористов Виктора Михайловича Сидельникова (1906–1982), в 1951–1960 годах — профессора Литературного института им. А. М. Горького, с 1960 года — заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы в Московском университете дружбы народов им. П. Лумумбы, и Сергея Ивановича Василенка (1902–1982), в 1947–1961 годах — доцента кафедры фольклора МГУ. В 1947 году статьей Сидельникова, в то время доцента Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте, «Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике» (Литературная газета. 1947. 29 июня. № 26. С. 3) начался длительный период травли Азадовского и шельмования его имени в печати, см.: «Удастся ли прорубить эту стену...» (Из писем М. К. Азадовского к Н. К. Гудзию 1949–1950 годов) / Публ. К. М. Азадовского // Русская литература. 2006. № 2. С. 66. Василенок же, работая на кафедре, руководимой в 1942–1952 годах фольклористом, этнографом, переводчиком Петром Григорьевичем Богатыревым (1893–1971), участвовал в общем потоке обвинительной критики, обрушившейся на него в 1947 году, см.: *Василенок С.* Министерство высшего образования поощряет низкопоклонство // Литературная газета. 1947. 15 нояб. № 55. С. 3. В этой статье автор, нагромождая одно за другим опасные политические обвинения, раскритиковал составленную Богатыревым в 1947 году программу высшего образования по дисциплине «Русский фольклор», для которой, по мнению Василенка, «характерно не только преклонение перед буржуазными школами Запада, но открытое отрицание мирового значения русской науки». Уже в следующем году Богатырев был отстранен от занимаемой должности. См.: *Дружинин П. А.* Филологический факультет Московского университета в 1949 году. Избранные материалы // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 385, 387, 416–419.

⁶ Шепелева Зинаида Сергеевна (1911–1963) — литературовед.

⁷ В архиве Паустовского сохранилось письмо Гудзия от 31 мая 1957 года (РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. № 725). Два письма Паустовского к Гудзию (1943, 1957) хранятся в Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ (Ф. 7. Оп. 2. № 131).

34

Ялта 16/X <1960 года>

Дорогой Николай Калининвич,
приехав 30 сентября из Ленинграда, я все собирался позвонить тебе, но, когда, наконец, собрался, узнал о том, что ты лег на операцию.

Все говорят, что операция не очень болезненная, но все же, как любая операция, в наши годы она вносит в жизнь что-то неприятное, связанное с непривычными ощущениями и досадными тревогами. Поэтому мне прежде всего хочется пожелать тебе возможно скорее вернуться домой, за свой письменный стол, к твоим книгам и картинкам. Ну, а круг посетителей можно и сократить. Если с Кирилюком встретишься в Киеве, не дублируя душевительных бесед с ним в Москве, ты только выиграешь.

Надеюсь, что к толстовским юбилейным дням ты будешь уже в самой хорошей форме. Вспомни слова Пушкина: «Чувство выздоровления одно из самых сладостных...».¹

Пишу тебе из Ялты, где мы еще раз в этом году пытаемся продлить лето, такое короткое в Москве. В самом деле, приехали мы сюда на апрель — и я ожил, хватило до сентября. Авось новой зарядки хватит до марта.

А здесь чудесно — как в ленинградском июле или в августовской Москве. Море, солнце, все еще зелено, гуляю без пиджака, на днях начну купаться. Приехал сюда в тяжелейшей меланхолии со спазмами сосудов головн<ого> мозга,

ни к чему не способный, а через четыре дня уже ожил, — ничто не гнетет, ничто не тревожит, надеюсь через недельку сесть за работу (останемся здесь до 8/XI).

В Ленинград ехал в расчете освободиться и от академического Тургенева, и от Пушкинской Комиссии,² но меня склонили остаться, наговорив хороших слов, на которые мы с тобою оба падки. С Мих<аилом> Павл<овичем> помирился — он так сердечно капитулировал, что мне трудно было играть в Катона.³

Но из Комиссии по истории филол<огической> науки я все-таки уйду. Это ведь не мемуарная серия, редакция которой существует только на бумаге (к тому же серой, как Владыкин,⁴ а это ведь предел серости). Хочу заняться всерьез своей предсмертной монографией — «Политическая лирика и сатира Пушкина 1817–1825 гг.». Числится за мной эта тема в ИМЛИ с 1957 г., и мне захотелось эту книжку сделать в года полтора-два.⁵

Будь здоров, дорогой Николай Каллиникович, это сейчас самое главное, остальное «приложится».

Твой Юл. Оксм.

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне.

Год установлен по почтовому штемпелю отправления на конверте: «16.10.60. Ялта».

¹ См. прим. 1 к п. 32.

² В июне 1959 года Оксман был включен в состав редколлегии академического Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах (М., 1960–1968). См.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1078. Л. 14. Главным редактором и председателем редколлегии этого издания был М. П. Алексеев. В письме Оксман, вероятно, говорит о своем желании прекратить дальнейшее (сверх заключенных договоренностей) сотрудничество с редколлекцией (см. п. 36). В 1933–1936 годах Оксман был заместителем председателя Пушкинской комиссии АН СССР, в сентябре 1958 года, после ее восстановления в структуре Академии, ученый вновь вошел в ее состав на правах члена Бюро. Председателем комиссии был избран В. В. Виноградов, одним из его заместителей стал Алексеев (в декабре 1959 года он, в свою очередь, был избран председателем). См. также: Русская литература. 2005. № 4. С. 142–143; комм. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона к письму Оксмана И. Г. Ямпольскому от 3 марта 1962 года.

³ Письма Алексеева за этот период, адресованные Оксману (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 254), не дают возможности установить суть и причину их размолвки. В письме Беркову от 13 ноября 1960 года Оксман сходным образом описал свою ленинградскую встречу с Алексеевым (Русская литература. 2004. № 2. С. 224–225).

⁴ Владыкин Григорий Иванович (1909–1983) — партийный и издательский работник, с 1957 года — главный редактор издательства «Художественная литература».

⁵ Этот замысел не был в полной мере реализован. См. прим. 2 к п. 5.

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Спасибо тебе за письмо, за память, за добрые пожелания. Всячески приветствую твою поездку в Ялту и от души желаю тебе и Антонине Петровне как следует окрепнуть и набраться сил для суетливой московской жизни.

С 9-го окт<ября> я в Боткинской больнице. Выбор ее определился тем, что главный оператор — уролог, оруduющий здесь, — проф<ессор> Фрумкин, во власти которого я нахожусь. 10-го мне сделана первая операция, а затем предстоит вторая, — когда точно — не могу сказать, в лучшем случае — в конце месяца, после чего около месяца при благоприятных условиях я должен еще тут пролежать или просидеть. Сейчас я уже на ногах, могу ходить; идет подготовка ко второму туру <...>¹ В моей палате, кроме меня, еще 3 человека, и один из них ночью храпит. Стараюсь его рулады заглушать нембуталом, но борьба не всегда бывает успешной.

Благодаря моей болезни <...> рушились все мои планы — и поездка в Болгарию в первой половине ноября, и участие в Толстовских празднествах, и поездка по Толстовским делам за границу — на выбор — во Францию, Англию или Данию. Не говорю уж об украинской декаде.² Такие-то дела.

Очень убыточно будет для комиссии по истории филолог<ических> наук, если ты ее покинешь, но об этом поговорим после моего выздоровления. Сам я хотел бы избавиться от нее.

Мой дружес<кий> привет тебе и Антонине Петровне.

Твой Н. Гудзий

¹ Здесь и далее при публикации письма нами исключены из текста медицинские подробности операции Гудзия.

² Имеются в виду мероприятия, приуроченные к 50-летию со дня кончины Л. Н. Толстого и Вторая декада украинской литературы и искусства, происходившая в Москве 12–21 ноября.

36

15/XII <1960 года. Москва>

Дорогой Николай Каллиникович, сегодня встретил, возвращаясь из Института Истории, Э. С. Шепелеву, вручившую мне твою книжку о Толстом.¹

Вечером с большим удовольствием перелистал ее, а частью и прочитал, хотя перемен в ней очень мало. Думается мне, что во всей научно-популярной литературе о Л. Н. Толстом твоя книжечка остается самой умной и содержательной. Впрочем, о моем отношении к ней ты хорошо знаешь уже давно. Мне кажется, что в последних страницах следовало бы только упомянуть о Чехове не «через запятую», как говорят газетчики, а чуть больше, дать хотя бы три-четыре строки, в которых сам Чехов сказал о значении Толстого для рус<ской> лит<ературы> нач<ала> XX века.

В числе откликов на творчество Толстого современных мировых писателей надо было бы дать строки Хемингуэя, Синклера Льюиса. Нельзя пройти мимо и «Семьи Тибо» Роже дю Гара, одного из самых замечательных учеников Толстого во Франции.

Вот видишь, что я все-таки не просто кладу твои работы на полку — я их читаю и даже думаю о них.²

Недавно возвратился из Ленинграда, где видел Алексеевых, Жирмунского, Виноградовых (в Москве последние менее приятны, чем в Европейской гостинице). На бюро ОЛЯ недавно выступил против тех канцелярских методов руководства Благим «Известиями ОЛЯ», которые привели к полному падению этого органа, не читаемого даже членами его редколлегии, не говоря уже о рядовых подписчиках.³

«А жизнь, знай себе, идет...».⁴ Чувствую себя плохо, старею, слабею, болею. Работая много, но результатами этой непосильной уже для меня большой работы не могу быть довольным. На днях сдал в Издательство второй том академического Тургенева — «Сцены и комедии», над кот<орым> работал весь год. В текстолог<ическом> отношении это интересно, но, конечно, в мои годы такими вещами заниматься просто смешно. От «Зап<исок> Охотника» я поэтому отказался, но в редколлегии остался.⁵

Бюллетени о ходе твоего выздоровления получаю регулярно от разных людей. Рад, что ты возвращаешься в строй помолодевшим и окрепшим.

Всегда твой Юл. Оксм.

Письмо пролежало два дня. Забыл его на столе.

Год установлен по почтовому штемпелю отправления на конверте: «17.12.60. Москва».

¹ См. прим. 2 к п. 33.

² Эрнест Хемингуэй (1899–1961) писал о Толстом в своем очерке «Пишет старый газетчик» (1934), в книге «Зеленые холмы Африки» (1935), в предисловии к антологии «Люди на войне» (1942). Роже Мартен дю Гар (1881–1958) упоминал о Толстом в своей Нобелевской речи (1937). См.: Слово писателей // Лит. наследство. 1965. Т. 75. Толстой и зарубежный мир. Кн. 1. С. 157–161, 166–169 (в том числе — в сопроводительной статье И. А. Кашкина и заметке Л. А. Зониной). Синклер Льюис (1885–1951) посвятил Толстому несколько строк в предисловии к американскому изданию романа «Отцы и дети» Тургенева (*Turgenev J. Fathers and sons / Pref. by Sinclair Lewis. New York, 1943*), а также в статье «На Олимп не взлетают» (1948). См. первую русскоязычную публикацию предисловия: Гиленсон Б. Синклер Льюис о Тургеневе // Вопросы литературы. 1958. № 9. С. 89–91. См. также: Лакиш В. Я. 1) Толстой и Чехов. М., 1963; 2) Чехов и Лев Толстой: Сб. М., 1980; Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. М., 1989.

³ Из протокола № 15 заседания Бюро ОЛЯ от 6 декабря 1960 года: «90. Отчет редколлегии журнала „Известия АН СССР. Отделение литературы и языка“ о работе журнала. Докладчик — член-корреспондент АН СССР Д. Д. Благой. В обсуждении участвовали: Н. И. Пруцков, Н. И. Балашов, член-корреспондент АН СССР А. К. Боровков, В. А. Ковалев, Ю. Г. Оксман, член-корреспондент АН СССР А. С. Бушмин, Г. С. Черемин, член-корреспондент АН СССР Н. Ф. Бельчиков, М. Б. Козьмин, академик В. В. Виноградов. Бюро Отделения ПОСТАНОВЛЯЕТ: Поручить комиссии в составе членов-корреспондентов АН СССР — М. Б. Храпченко (председатель), Д. Д. Благого, Н. Ф. Бельчикова, В. И. Борцовского, докторов филол. наук Ю. Г. Оксмана, Н. И. Пруцкова и кандидата филол. наук С. И. Козлова подготовить проект решения с учетом замечаний и пожеланий, высказанных при обсуждении доклада» (Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. № 656. Л. 79). Из выступления Оксмана: «Наша задача подумать о том, что нужно сделать, чтобы „Известия“ — журнал, находящийся в исключительно трудных условиях, несущий огромную ответственность перед мировой наукой, перед мировой славистикой, а не только перед работниками наших учреждений, отвечал тем ожиданиям, надеждам и требованиям, которые, естественно, с этим органом связаны <...> Отражение деятельности Отделения и его институтов, отражение деятельности огромной армии академических специалистов-литературоведов — это первая и основная задача журнала. Задача информационная тесно связана с задачами и направлениями дальнейшей работы, потому что информация — это не механическая часть хроники и не созерцательная хроника того, что делается. Задачи научно-исследовательские соединяются с задачами организационными <...> в работе, в руководстве органом Отделения литературы и языка перестали принимать участие его крупнейшие работники — В. В. Виноградов и М. Б. Храпченко <...> В редакционном аппарате не принимают активного участия другие сотрудники Отделения литературы и языка. Ученый секретарь — М. Б. Козьмин, много делавший для журнала, очень опытный и талантливый руководитель и литературовед, в последнее время не участвует так, как должен участвовать ученый секретарь. Фактически в аппарате в распоряжении Дмитрия Дмитриевича оказываются одни молодые начинающие работники... Имена членов редколлегии занимают обложку „Известий“, это имена крупнейших ученых и авторитетнейших специалистов, но я, как читатель — один из старейших читателей этого журнала, я не знаю, в чем сказывается их участие в этом журнале <...> Контакт с читателями, связь с широкими кадрами филологов Москвы, Ленинграда и периферии — это важное место журнала <...> Активное участие специалистов-литературоведов, работающих в институтах Академии наук, в журнале должно быть их обязанностью, а не только доброй волей <...> Реорганизация журнала должна идти по пути пополнения его редакционной коллегии, в коллегию должны войти специалисты, которые будут отвечать вместе за журнал, а не украшать своими фамилиями его заглавную страницу» (Там же. № 655. Л. 112, 113, 114, 115, 117, 118, 120). О решении выступить на заседании Бюро ОЛЯ и о единственно возможной, по его мнению, кандидатуре на пост главного редактора «Известий» — М. П. Алексеев Оксман писал Беркову 13 ноября (Русская литература. 2004. № 2. С. 225).

⁴ Неточная цитата из четвертого действия комедии А. П. Чехова «Вишневый сад» (1903): «Мы друг перед другом нос черем, а жизнь знай себе проходит» (реплика Лопухина).

⁵ Оксман, подготовив второй и третий тома, содержащие «Сцены и комедии» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1961. Т. 2. Сцены и комедии. 1843–1849 / Подг. текста и прим. Ю. Г. Оксмана; 1962. Т. 3. Сцены и комедии. 1849–1852 (общая редакция тома, подготовка к печати и комментарии к «Завтраку у предводителя», «Провинциалке», «Разговору на большой дороге», «Вечеру в Сорренте» и к большей части приложений к тому принадлежат Оксману)), отказался от участия в подготовке четвертого тома академического собрания сочинений Тургенева, содержавшего «Записки охотника» (1847–1851): *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1963. Т. 4. Записки охотника. 1847–1874 / Тексты подг. и прим. сост. А. Л. Гришунин и др.**

13/III <1961 года. Москва>

Дорогой Николай Каллиникович,

«буря промчалась»,¹ — и я могу выглянуть из своего больничного гнезда, предвкушая радости возвращения на волю. А в больнице есть много общего с благоустроенной тюрьмой (разумеется, с культурной тюрьмой, а не со сталинскими застенками).

Чувствую себя я с каждым днем лучше и лучше, но, конечно, возвращение к обычному для меня распорядку дня уже не гарантирует прочности моих больших достижений. Лечат здесь, кстати сказать, очень хорошо, да и быт налажен культурный — кормят вкусно, разрешаются прогулки; в большой камере, светлой и хорошо отапливаемой, даже с вентиляцией, две постели, причем вторая чаще пуста, чем занята. Можешь даже принимать у себя гостей по вечерам.

Получил на днях выписку из протокола Учен<ого> совета Горьковского унив<ерситета> о выдвижении моих работ на премию им. Белинского. Слышал, что такие же решения готовятся и в Саратове, и в Ленинграде. В этих условиях что-то должно сделать ИМЛИ, хотя отношения мои с нашим начальством, начиная с Благого и кончая Щербиной и Анисимовым,² очень ухудшились в последние месяцы. Но все же я твердо решил, в случае отказа дирекции ИМЛИ поддержать мое выдвижение на премию им. Белинского, немедленно уйти из института.³ Между нами говоря, это было бы чудесно, так как Герцен (четыре тома в год!) меня убивает.⁴ Убивает настолько, что я не успел подготовить к юбилею ни сборника статей о Белинском, ни книжки «Письмо Белин<ского> к Гоголю» (8 листов исследования, 2 листа — текст и варианты, ½ л. примечания). Последняя книжка стоит в планах Германской и Венгерской Акад<емий> Наук (переводы, для кот<орых> до сих пор не готов оригинал!).⁵ В одной из ближайших книг «Zeitschrift für Slawistik» будет статья обо мне и о моих послед<них> работах о Пушкине, Белинском и Тургене. Статья написана д<окто>ром Цигенгайстом, при участии Дорнахера и нашего Е. И. Покусаева.⁶ Если Самарин к тому времени оправится от своего инфаркта, то несомненно заболит вновь, так как немцы рассматривают мои работы в аспекте задач, стоящих перед герман<ской> славистикой. А Самарин ведь специально приставлен для затемнения этих задач в ГДР.⁷

Посылаю тебе бумажки по Комиссии, кот<орые> прошу передать З. С. Шепелевой, которую ты увидишь 15-го марта.

Я очень соскучился по тебе, хотя ты меня и огорчал иногда своей слепотой в некоторых оттенках человеческих отношений. В первые же дни после возвращения домой постараюсь заехать к тебе.

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне!

Твой Юл. Оксм.

Год установлен по штемпелю отправления на конверте: «14.3.61. Москва».

¹ Цитата из стихотворения Пушкина «Туча» (1835): «Земля освежилась, и бурия промчалась...».

² Щербина Владимир Родионович (1908–1989) — специалист по теории и истории литературы, литературный критик, зам. директора, и. о. директора ИМЛИ (1953–1988); Анисимов Иван Иванович (1899–1966) — специалист по западноевропейской литературе, член-корреспондент АН СССР (1960), директор ИМЛИ (1952–1966).

³ Академическая Премия имени В. Г. Белинского была учреждена в 1947 году, согласно Постановлению Совета Министров СССР от 10 декабря 1947 года № 3963 «О 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского», с формулировкой «за выдающиеся научные работы в области литературной

критики, теории и истории литературы». С 1959 года присуждалась раз в три года (размер ее составлял 20 000 р.). См. прим. 5 к п. 39.

⁴ В августе 1956 года Оксман был включен в состав редколлегии академического собрания сочинений и писем А. И. Герцена по представлению главного редактора В. П. Волгина. В июле 1958 года, в связи с кончиной Козьмина, на Оксмана были возложены обязанности заместителя главного редактора издания. Впоследствии, в 1958–1964 годах он был ответственным редактором — как персонально, так и совместно с Л. М. Долотовой, И. Г. Птушкиной, В. А. Путинцевым и И. Ю. Твердохлебовым — восьми томов издания (14, 15, 18, 19, 24, 26, 28, 30). Как комментатор он принял участие в подготовке двух томов — 7-го (комментарий к двум разделам книги «О развитии революционных идей в России») и 13-го (композиция материала тома, большая часть редакционной преамбулы, редакция примечаний и установление структуры статьи «Правда ли?» в первом номере «Колокола»). См.: *Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана. С. 391–397, 410–419; *Ptuchkina I.* Julian Grigor'evič Oksman et son rôle dans l'édition académique des Œuvres d'Alexandre Herzen: ébauche de Mémoires // *Revue des études slaves*. 2012. Vol. 83. № 1. P. 41–64.

⁵ Предысторию замысла монографии, получившей уже в 1955 году рабочее название «Письмо Белинского к Гоголю. Текст. Варианты. Исследование», план ее содержания, краткую авторскую аннотацию, приблизительный объем, а также указание на сохранившиеся подготовительные материалы см.: Там же. С. 429–430. См. также прим. 8 к п. 50.

⁶ *Pokusaev E. I., Usakina T. I., Ziegengeist G. J. G.* Oksman — ein hervorragender Repräsentant der sowjetischen Literaturwissenschaft (Zu einem neuen Sammelband Oksmans) // *Zeitschrift für Slawistik*. 1961. Bd VI. H. 3. P. 452–461. Усакина Татьяна Ивановна (1931–1966) — специалист по русской литературе, журналистике, литературной критике и общественной мысли XIX века, ученица Оксмана, доцент кафедры русской литературы СГУ (1959–1966). Цигенгайт Герхард (Ziegengeist; 1927–2005) — историк и литературовед-славист. Дорнахер Клаус (Dornacher; 1929–1990) — литературовед-славист. И Дорнахер, и Цигенгайт состояли в переписке с Оксманом в 1956–1963 годах, см.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 483, 981.

⁷ См. прим. 3 к п. 32. Р. М. Самарин в 1965 году был избран членом-корреспондентом Академии искусств ГДР.

Дорогой Юлиан Григорьевич,

За твоим здоровьем слежу, справляясь о нем по телефону у Антонины Петровны. Вчера А. П. сказала мне, что дело у тебя успешно идет на поправку, что печень приходит в норму, что кислородные инъекции восстанавливают нарушение ножного пульса. Все это меня очень радует. Не понимаю, откуда у тебя неполадки в ногах. Они вдруг два года назад обнаружили у меня, но это потому, что я 50 лет курил. Спешно прекратил это занятие и подлечил себя заграничным препаратом <нрзб.> и кислородом, избавился от этого недуга, причинявшего мне боль в ногах. А вот 10-го в Большом театре на торжественном вечере, посвященном Шевченко,¹ встретился с Л. В. Никулиным,² жалующимся на то, что он не в состоянии пройти 200 шагов: начинается у него нестерпимая боль. Лечится также какими-то лекарствами. А ведь он так же, как и ты, никогда не курил.

Меня очень тянуло навестить тебя в больнице, но не смог этого сделать — по причине почти каждодневной занятости днем, когда, по словам Антонины Петровны, тебя можно повидать во время твоей прогулки. Надеюсь побывать у тебя дома в ближайшее время после твоего возвращения к себе на квартиру (А. П. говорит, что это будет в ближайшую субботу).

Прошли Шевченковские торжества, в которых пришлось принять участие и мне как члену всесоюзного комитета по чествованию памяти Шевч<енко>. Пришлось даже написать статью о нем для «Литературы и жизни»³ по настоятельной просьбе Полтарацкого.⁴ Кажется, я единственный обмолвился и об ошибках Ш<евченко> (напр<имер>, его отношение к Богдану

Хмельницкому). Вообще же все писавшие о нем обсахарили его с ног до головы. 9-го выступал с маленьким докладом о Ш<евченко> в Союзе писателей, где на концерте фигурировали «Амурские волны», «Блоха» Мусоргского и почти ничего, касающегося с какой-либо стороны самого Шевч<енко>. 16-го делал доклад в Толстовском музее. 23-го — заседание в ОЛЯ, на котором выступает А. И. Белецкий.⁵

Завтра — чествование Н. И. Конрада по случаю его 70-летия,⁶ а послезавтра провожу заседание комиссии по ист<ории> филолог<ических> наук по вопросу об издании соч<инений> Веселовского. Подачка ли это заседание к Конрадовскому юбилею в надежде <заполучить?> на следующий день Жирмунского, Алексева.⁷ Сам я на юбилее не буду — послал телеграмму. Вот, кажется, и все новости, кроме той, что на две недели в Узкое уехал Д. Д. Благой. Я две недели назад вернулся из Малаховки, где пробыл 13 дней, встретившись там с Т<атьяной> Льв<овной>, пробывшей полный срок (28 дней). В Узкое попасть мне не удалось: не оказалось для меня места.

Надеюсь, что Ант<онина> Петр<овна> передаст тебе это письмо.
Обнимаю тебя.

Твой Н. Гудзий

¹ 10 марта 1961 года в Большом театре состоялся, как было указано в напечатанной по этому случаю программке, «концерт, посвященный памяти великого украинского поэта, революционера-демократа Т. Г. Шевченко». Мероприятие было приурочено к 100-летию со дня кончины Шевченко.

² Никулин Лев Вениаминович (1891–1967) — прозаик, журналист, драматург, сценарист, поэт.

³ Великий кобзарь // Литература и жизнь. 1961. 10 марта. № 30. С. 1.

⁴ Полтарацкий Виктор Васильевич (1907–1982) — писатель, журналист, в 1958–1961 годах — главный редактор газеты «Литература и жизнь».

⁵ 100-летию со дня кончины Шевченко была посвящена двухдневная научная сессия, организованная в Москве ОЛЯ. Доклады, прозвучавшие на сессии, были изданы в 1962 году: Тарас Шевченко: [Доклады науч. сессии. 23–24 марта 1961 года]. М., 1962. Белецкий выступил на сессии 23 марта с докладом «Мировое значение творчества Т. Г. Шевченко». Кроме того, 9 марта в ИРЛИ состоялось заседание Ученого совета, посвященное этой памятной дате. См.: Баскаков В., Козлов С., Павлюк Н. Научные сессии и конференции, посвященные 100-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко // Известия ОЛЯ. 1961. Т. XX. Вып. 5. С. 440–444. См. отзыв о прошедшей сессии в письме Оксмана Беркову от 30 марта 1961 года (Русская литература. 2004. № 2. С. 230).

⁶ 14 марта 1961 года в Москве в Доме ученых АН СССР состоялось торжественное заседание, посвященное 70-летию со дня рождения и 50-летию научной и педагогической деятельности историка, востоковеда, действительного члена АН СССР Николая Иосифовича Конрада (1891–1970). См.: Миронов С. А. Чествование Николая Иосифовича Конрада // Известия ОЛЯ. 1961. Т. XX. Вып. 4. С. 361; отчет Ф. Ф. Кузьмина и Г. В. Строковой: Вопросы языкознания. 1961. № 4. С. 144–145.

⁷ См. п. 39.

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Очевидно, мы одновременно решили друг другу написать. Это очень символично. Значит, мы настоящие друзья. Сегодня состоялось довольно длительное заседание,¹ посвященное одному вопросу — изданию сочинений Веселовского. На нем присутствовали М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, В. Е. Гусев (все ленинградцы), Д. Е. Михальчи² и Н. Ф. Бельчиков. Я сообщил твое мнение относительно желательности продолжения полного собр<ания>

соч<инений> Веселовского, начатого еще до революции,³ но все присутствовавшие, в том числе и я, высказались в том смысле, что нерационально и неприемлемо будет для издательства издание таких трудов В<еселовско>го, как «Разыскания в обл<асти> русск<их> дух<овных> стихов», «Южно-русские былины», «Из истории романа и повести», в которых колоссальное количество текстов на греческом, латинском и многих других иностранных языках — без перевода. Все доступное для знаний даже высококвалифицированного читателя, в том числе обе диссертации, войдет в издание.⁴

И Алексеев, и Жирмунский горячо поддерживают выдвижение твоей Летописи жизни и творчества Белинского на премию Белинского. Они сделают соответственное представление.⁵ Условлено было, что и я присоединю свою подпись, что доставило бы мне большое удовлетворение, но сейчас вспомнил, что представление на премию, кроме учреждений, могут подать лишь академики и члены-корреспонденты АН СССР. Значит, моя подпись, возможно, окажется неуместной.

Сейчас звонил ко мне Б. В. Нейман⁶ — справлялся о твоём здоровье и просил передать тебе привет.

Выздоровливай, дорогой мой, поскорее и настолько прочнее, чтобы никогда не приходилось тебе знаться с больницей.

Обнимаю тебя.

Твой Н. Гудзий

Как самоотверженно ухаживает за тобой чудесная Антонина Петровна!
Мои тебе очень кланяются.

¹ Заседание Комиссии по истории филологических наук ОЛЯ АН СССР (см. п. 50).

² Гусев Виктор Евгеньевич (1918–2002) — фольклорист, этнограф, педагог, в 1955–1969 годах — ученый секретарь и старший научный сотрудник ИРЛИ. В соавторстве с ним Гудзий написал статью об А. Н. Веселовском для 1-го тома «Краткой литературной энциклопедии», вышедшего в 1962 году. Михальчи Дмитрий Евгеньевич (1900–1973) — литературовед, специалист по западноевропейской литературе Средних веков и Возрождения, лингвист, лексикограф.

³ Речь идет об издании трудов историка литературы и педагога, ординарного академика Петербургской Академии наук Александра Николаевича Веселовского (1838–1906) — собрании сочинений (в трех тематических сериях), выпускавшемся Императорской Академией наук с 1908 года (последние два тома вышли уже в 1920–1930-е годы): Сер. 1. Поэтика. Т. 1 (1870–1899). СПб., 1913 (т. 1 по сквозной нумерации собрания сочинений); Т. 2. Вып. 1 (1897–1909). СПб., 1913 (т. 2); Сер. 2. Италия и Возрождение. Т. 1 (1870–1899). СПб., 1908 (т. 3); Т. 2. Вып. 1 (1871–1905). СПб., 1909 (т. 4); Т. 2. Вып. 2 (1861–1876). СПб., 1909 (т. 4); Т. 3 (1893). Боккаччо, его среда и сверстники. Т. 1. Пг., 1915 (т. 5); Сер. 3. Роман и повесть. Т. 1. Вып. 1 (с. 1–416). Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. Пг., 1921 (т. 8); Т. 1. Вып. 2 (с. 417–606). Л., 1930 (т. 8).

⁴ Несколько лет откладывалось и в итоге так и не вышло в свет намеченное к подготовке Комиссией по истории филологических наук академическое издание избранных трудов Веселовского. Говоря о двух диссертациях ученого, Гудзий подразумевает следующие работы: «„Вилла Альберти“: новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV–XV вв.» (М., 1870); «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (СПб., 1872).

⁵ 19 марта 1961 года Алексеев писал Оксману: «Будучи в Москве я беседовал с Антониной Петровной и просил ее сообщить Вам, что я предпринял по поводу Вашей „Летописи Белинского“. 23-го мы с Гудзием и Жирмунским соберем остальные подписи. Будем надеяться, что все это дело закончится ко всеобщему удовольствию» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 254. Л. 5). 30 марта Оксман, благодаря Беркова за «дружеское участие» в этом деле, особо отметил также «большую заботу» Гудзия и Волгина (Русская литература. 2004. № 2. С. 230). В фонде ИМЛИ в Архиве РАН сохранилось официальное представление, направленное 6 апреля 1961 года в ОЛЯ АН СССР: «Ученый совет Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР представляет на соискание премии АН СССР имени В. Г. Белинского труд доктора филологических наук Ю. Г. Оксмана „Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского“ (Гослитиздат, 1958) и монографию доктора филологических наук И. М. Лаврецкого „Эстетика Белинского“ (Издательство АН СССР, 1960 г.). Это решение принято единогласно на заседании Ученого совета ИМЛИ

им. Горького 31 марта 1961 г. В связи с тем, что в этом году исполняется 150-летие со дня рождения великого критика, и учитывая научную ценность обеих работ, равно достойных быть отмеченными премией им. В. Г. Белинского, Ученый совет Института возбуждает ходатайство о разделении премии и присуждении ее двум ученым, внесшим значительный вклад в изучение жизни и творчества Белинского. Директор Института чл.-корр. АН СССР И. И. Анисимов» (Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. № 518. Л. 2). Премия была присуждена Оксману в июне 1961 года: «Президиум Академии наук СССР 30 июня 1961 г. утвердил решение экспертной комиссии и решение Бюро Отделения литературы и языка о присуждении премии им. В. Г. Белинского Ю. Г. Оксману за книгу „Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского“» (Чукалов Н. Присуждение премии имени В. Г. Белинского // Известия ОЛЯ. 1961. Т. XX. Вып. 5. С. 451–452). Монография Лаврецкого была отмечена премией Президиума АН СССР им. Н. Г. Чернышевского в 1962 году (Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. № 564. Л. 50).

⁶ Нейман Борис Владимирович (1888–1969) — литературовед. В фонде Оксмана сохранилось 8 писем Неймана за 1959–1965 годы: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 716. В фонде Гудзия, знакомого с Нейманом еще с 1910-х годов, а в 1920-е годы связанного с ним совместной работой в ГАХН, сохранились несколько десятков его писем: НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 34. № 11, 12; Разд. II. Карт. 10. № 35.

40

13/VI <1961 года. Москва>

Дорогой Николай Калининович,

я несколько раз звонил тебе после возвращения из Ленинграда, но никто у тебя в квартире на звонки не откликается. Видимо, вы все на даче. Переехал в Подрезково и я, так как Антонину Петровну пришлось отвезти в академ<ическую> больницу, а я стал безпризорным в самом точном смысле этого слова — наша квартира без хозяйки развалилась, а на даче меня все-таки кормят, я могу работать и дышать «воздухом садов и лугов». Закончив свою юбилейную проповедь о делах и днях Белинского (я прочел 4 больших доклада,¹ имевших некот<орый> успех и вызвавших большой шум), я сейчас опять сел за Тургеневские тома. Был бы рад тебя видеть в Подрезкове (м. б. с Велчевым?)² — сговорись с Лид<ией> Дм<итриевной>.³ кот<орая> тебя привезет к обеду или на вечер — как тебе удобнее («Есть о чем поговорить!»). Будь здоров и благополучен. Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Кал<линиковне>.

Твой Ю. О.

Год и место написания установлены по почтовому штемпелю отправления на открытке: «13.6.61. Москва».

¹ 1 июня 1961 года ученый выступил на юбилейной сессии ИМЛИ, посвященной 150-летию со дня рождения Белинского с докладом «Белинский и литературно-политические традиции декабристов» (спустя два года Оксман напечатает одноименную статью, написанную им еще в 1956 году: Декабристы в Москве: Сб. статей / Под ред. Ю. Г. Оксмана. М., 1963. С. 185–219); 7 июня на XIII Всесоюзной Пушкинской конференции в ИРЛИ сделал доклад на тему «Пушкин и Белинский» (тезисы доклада см.: XIII Всесоюзная Пушкинская конференция. Л., 1961. С. 9–12); 8 июня в Государственном литературном музее в Москве выступил с докладом «Письмо Белинского к Гоголю, как исторический документ»; 9 июня на объединенной сессии Отделений экономических, философских и правовых наук, ОЛЯ, Отделения исторических наук АН СССР прозвучал доклад Оксмана «Письмо Белинского к Гоголю. Итоги и проблемы изучения» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1090. Л. 25).

² Велчев Велчо Петров (1907–1991) — болгарский литературовед, занимался изучением русской, украинской и болгарской литератур.

³ Л. Д. Опульской.

41

14/VI 61 <Москва>

Дорогой друг, спасибо тебе за письмецо. Очень досадно, что твои звонки по телефону по возвращении твоём из Л<енингра>да оказались бесплодными. Никто из нас не уезжал на дачу, и я никуда не собираюсь до начала или середины июля, когда наметили с Т<атьяной> Льв<овной> отправиться в Дубулты, на Рижское взморье. Просто — меня не было дома (экзамены, заседания), а дамы мои или не слышали звонков, или тоже отсутствовали. Очень грустно знать о болезни Антонины Петровны и о том, что она легла в больницу. От всей души желаю ей скорейшего и полного выздоровления.

С большой охотой приехал бы в Подрезково, чтобы навестить тебя, но не уверен, что из-за скопившихся экзаменов и заседаний я смогу осуществить это свое острейшее желание. Компенсирую почти годичное ничегонеделание в У<ниверсите>те, и это мешает, разумеется, собственной работе. 16-го предстоит лекция на Ленинских горах для иностранцев, 30-го выступление на докторской диссертации Клибанова.¹ А ты молодец — плодотворно и очень интересно работаешь.

Весь твой Н. Гудзий

Вчера присутствовал в Большом театре на торжеств<енном> вечере Белинского.² Удачно выступал Дима.³ Тебя недоставало в Президиуме из-за Подрезково.

¹ 30 июня 1961 года в Институте истории АН СССР историк Александр Ильич Клибанов (1910–1994) защитил монографию «Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в.» (М., 1960) в качестве докторской диссертации. Гудзий откликнулся на монографию рецензией: Известия ОЛЯ. 1961. Т. XX. Вып. 6. С. 527–530.

² Торжественный вечер был приурочен к 150-летию со дня рождения Белинского. Очевидно, со слов коллег и друзей Оксман сообщал Скафтымову 16 июня: «Утешительно, что в Большом театре никто не пришел слушать Благого, а ложа партии и правительства была пуста, как будто бы все забыли о Белинском» (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / Предисловие, сост. и подг. текстов А. А. Жук; публ. В. В. Прозорова // Russian Studies: Ежеквартальник рус. филол. и культуры. 1995. Vol. 1. № 2. С. 317).

³ Д. Д. Благой.

42

10/VII 61 <Москва>

Дорогой друг!

Я и Татьяна Львовна сильно огорчены состоянием здоровья Антонины Петровны. От всего сердца желаем ей скорейшего выздоровления, а пока — всяческого облегчения ее состояния. Просим тебя передать дорогой Антонине Петровне наши чувства самой глубокой симпатии и самого искреннего сочувствия. Знаем очень хорошо, как и тебе нелегко, как ты взволнован болезнью твоего большого друга. Шлем и тебе наше самое дружеское сочувствие.

Позавчера у нас был В. П. Велчев. Узнав, что ты в Москве, я неоднократно звонил тебе, но ты, очевидно, уже уехал к себе на дачу. Нечего говорить о том, как мне приятно было бы видеть тебя у себя вместе с Велчевым и тебя одного. Сам я не мог быть у тебя в позапрошлую субботу, т. к. в этот вечер третий выпуск ИФЛИ праздновал в «Праге» двадцатую годовщину окончания этого приснопамятного вуза. Отказать моим ученикам и себе в этой праздничной встрече я не мог, поелику в ИФЛИ в ту пору я был и профессором и деканом

филологического факультета.¹ В следующую субботу мы с Велчевым воздержались от поездки к тебе на дачу из-за неважной погоды, да и уверены были в том, что из-за болезни Антонины Петровны тебе не до гостей, даже самых приятных тебе.

В субботу, 15-го, с Т. Л. уезжаю на Рижское взморье (Дубулты, Латвийская ССР, Дом творчества писателей). Возможно, что, пробыв там 24 дня, недели на две поедем в Друскеники, близ Вильнюса, куда меня приглашает моя ученица, ныне доцент Вильнюсского университета.

Спасибо тебе за критические замечания (благожелательные) о статье П. Н. Беркова, написанной им для записки по истории филологических наук. Теперь нужно отредактировать записку в целом. Частично это сделали З. С. Шепелева и я. Нужно привлечь еще П. Н. Беркова.² Порой я не совсем понимаю, почему я должен состоять председателем комиссии — при том что, как мне передавали, не так давно Виноградов прошелся не очень уважительно по адресу моего учебника. Так, проходя, без всякой нужды, по инстинктивной потребности лягнуть лишний раз ближнего.³

Очень жалею, что твой сегодняшний звонок по телефону не застал меня дома: пошел пройтись. Если позвонишь в ближайший свой приезд в Москву, буду очень рад.

Твой Н. Гудзий

¹ См. прим. 1 к п. 10.

² Речь идет о составленной Берковым (совместно с другими членами комиссии) записке «Проблемы изучения истории отечественного литературоведения», на основе которой и предполагалось развернуть работу комиссии в 1960-е годы (Шепелева З. С. В комиссии по истории филологических наук // Известия ОЛЯ. 1962. Т. XXI. Вып. 6. С. 567–568).

³ Возможно, упомянут устный отзыв, поскольку в опубликованных подробных библиографиях печатных трудов Виноградова подобный отзыв не зафиксирован.

43

1/VIII 61 <Дубулты>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Что у тебя делается? Прежде всего — как здоровье Антонины Петровны? Вернулась ли она домой из больницы? Как твое самочувствие, как работа? Как видишь, я на Рижском взморье, в писательском доме, в котором, впрочем, сколько-нибудь заметных писателей не видно. Живу я тут с 16 июля. Путевка моя кончается 8 августа. Со мной Татьяна Львовна. Литфонд продлил мне путевку еще на целый срок, т. е. по 2–3 сентября, но я просил о продлении лишь на полсрока, т. е. на 12 дней, но по коммерческим расчетам Литфонд на это не соглашается. Пока еще не решил, что мне предпринять. У вас сегодня 33° тепла, а у нас непрерывные дожди, редко выглядывает солнце, пасмурно, холодно и в воздухе, и в воде. Читаю, <плотно?> читаю «Войну и мир» и кое-что другое. Ввиду неопределенности моего пребывания здесь отвечай, если захочешь, по московскому адресу. Сердечный привет Антонине Петровне и тебе.

Твой Н. Гудзий

9/VIII <1961 года. Москва>

Дорогой Николай Каллиникович,

живу я по-прежнему, как во сне. Антонина Петровна все еще в больнице, я — в Подрезкове. Каждый день езжу к ней, два раза в неделю бываю по четыре часа в ИМЛИ, в редакции Герцена.¹ На даче работаю над вторым томом «Сцен и комедий» Тургенева для академич<еского> издания (Первый том уже вышел — я надеюсь, что ты его перелистаешь — я потратил на этот том около года жизни)...²

Антонина Петровна вышла из кризисного состояния, которое в течение двух недель было почти безнадежным. Но и сейчас еще она в очень тяжелом положении. Больница ее очень тяготит, а потому я решил перевезти ее домой, вместе с двумя сиделками. Но у нас нет кухарки, да и вообще никого нет — сейчас занят сам поисками экономки, без которой ни Ант<онине> Петр<овне>, ни мне возвращаться нет возможности в так называемый дом. Устал я безмерно, не столько физически, сколько психически. Надо на сентябрь–октябрь куда-нибудь<удь> смыться, но для этого я должен быть спокоен за Ант<онину> Пет<ровну>. Вызвал ее сестру — все-таки ей будет с нею спокойнее.

Умер Александр Иванович...³ Прощаясь с ним в последний раз у Дейчев (в Шевченковскую сессию),⁴ я понял, что больше его не увижу. Это же чувство у меня было и в мартовскую нашу встречу. Он был уже тогда не то, что очень больным, но до конца опустошенным человеком. Его, конечно, не могла не тяготить его роль — декоративного академика и патентованного глашатая газетных истин, которым пользовались на Украине только как ширмой. Никаким *подлинным* авторитетом (или весом?) он в тех кругах, которым подчинил свою жизнь, конечно, не пользовался, хорошо это понимал, но уж выйти из привычной колеи, обеспечивавшей ему «стол и дом» в необходимых ему бюджетных формах, не мог. Замечательный человек, умный, тонкий, высокообразованный филолог, он давно разменялся на мелочи и отписки — и ушел из жизни, не отмеченный объявлением о кончине его даже в «Правде»... Жестокое люди у нас управляют и жизнью и смертью своих слуг!

Твой Юл.

Год и место написания установлены по штемпелю отправления на конверте: «11.8.61. Москва».

¹ См. прим. 4 к п. 37.

² См. прим. 5 к п. 36.

³ См. прим. 6 к п. 7 и прим. 4 к п. 20. Гудзий откликнулся на смерть Белецкого: Большой советский ученый (Памяти А. И. Белецкого) // Вопросы литературы. 1961. № 12. С. 187–192. В 1964 году, к 80-летию со дня рождения Белецкого, под общей редакцией Гудзия вышел в свет том «Избранные труды по теории литературы», подготовленный А. А. Гозенпудом.

⁴ См. прим. 5 к п. 38. В письме упомянуты друзья Оксмана и Гудзия, супружеская чета Дейчей — литературовед, театровед, переводчик, мемуарист Александр Иосифович Дейч (1893–1972) и его супруга, литератор Евгения Кузьминична Дейч (урожд. Малкина; 1919–2014).

19/IV 62 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

В надежде, что тебе в больницу доставляется твоя корреспонденция, а также в уверенности, что ты сам скоро вернешься домой, сообщаю тебе, что

сегодня на заседании экспертной комиссии удалось утвердить докторскую диссертацию Лотмана. Несмотря на очень положительную рецензию А. Н. Соколова, утверждение прошло не без трений. Не сомневаюсь, что в ВАКе все пойдет теперь нормально. Подробности сообщу тебе при встрече или по телефону. Пока все между нами. Сообщи о самом факте утверждения Лотману. Сделал бы это я сам, да не знаю его точного адреса и имени и отчества.¹

Обнимаю

Твой Н. Г.

¹ Литературовед, историк, культуролог Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) в 1961 году защитил в ЛГУ докторскую диссертацию «Пути развития русской литературы преддекабристского периода». Официальным оппонентом на защите был Г. П. Макогоненко, рецензентом — литературовед, с 1951 года профессор МГУ Александр Николаевич Соколов (1895–1970). 5 марта 1962 года Лотман писал Оксману: «Юлиан Григорьевич! У меня к Вам просьба: ВАК пока на мою диссертацию не дает ни ответа, ни привета, а я лично не знаком с Н. К. Гудзием (хотя мы и здороваемся), и мне неудобно спросить, в чем там дело. Если Вас это не затруднит и не составит неудобства, Вы бы очень меня обязали, узнав у Н. К., что там с нею». 20 марта: «Дорогой Юлиан Григорьевич, большое спасибо за письмо и за звонок Н. К. Гудзию. Признаюсь, что я уже начал было беспокоиться». 20 мая: «Большое спасибо за сведения о моих ВАК'овских делах. Как бы теперь из-за новых постановлений не захрясло дело» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 639. Л. 29 об., 31, 35).

46

26/V <1962 года. Ялта>

Дорогой Николай Каллиникович,
из Москвы я поехал в Ялту через Таганрог, где пробыл два дня. Город этот раскинулся в степи у самого Азовского моря, сохраняя, как Помпея, Чеховские места, — целые ансамбли домов 60–80-х годов, в которых Чехов жил, бывал, учился, писал, вероятно, любил, которые вместе со своими обитателями перешли в его повести и драмы. Этот изумительный чеховский заповедник, напоминая о России нашего с тобой детства, нашей юности, окружен фабриками и заводами России советской, гигантами социалистической индустрии. Причудливую комбинацию старого и нового демонстрируют и те города, которые я проехал в «Победе» (ее вел Миша Громов), двигаясь из Таганрога в Ялту. Маршрут был такой: Мариуполь, Бердянск, Мелитополь, Сиваш, Юшукские высоты, Симферополь, южный берег Крыма. Видел так много интересного, что Ялта — пасмурная, туманная, чуть-чуть холодноватая — показалась мне каким-то прибалтийским районным центром. Это было, правда, только ночью — утром я почувствовал себя счастливым, беззаботным, безответственным, даже не очень старым. Воздух — «лимоном и лавром пахнет».¹ Правда, это не лимон и не лавр, а розы, акация, каштаны, жасмин — именно это цветет без обмана, не как декорация, а всерьез, по-настоящему. Из окна моего вижу море и горы, никуда не надо спешить, никто меня никуда не вызовет, никто не огорчит, не обидит. Никогда не думал, что я так смертельно устал, хотя последний год был для меня годом не менее страшным, чем первые колымские годы. А передышки не было и летом — в прошлом году я отдыхал только в больнице.

Рассчитывал остаться здесь до 10 июня, с тем, чтобы потом прожить лето около Антонины Петровны. Но 15 мая получил телеграмму, подписанную Виноградовым, с просьбой выступить 5/VI на сессии ОЛЯ в Ленинграде с докладом об издании Герцена. Сессия посвящена проблеме акад<емических> изданий классиков, я об этой сессии слышал, но никто меня на нее не приглашал.² Разумеется, Бушмины, Приймы³ и Овчаренки, руководящие сейчас

текстологией и источниковедением, не очень склонны делить свои лавры с более сведущими специалистами, а Храпченко⁴ должен считаться с ними, а не с нами. И все же я не считаю себя вправе уклониться от присутствия на этом форуме новоявленных источниковедов. При мне и они не очень распоясаются, да и те, кто им протезирует, будут осторожнее. Это ведь не проблемы анисимовского гуманизма, разрешаемые фашистами, предателями, мародерами и клеветниками. Вылетаю в Москву 3/VI. Не знаю, собираешься ли и ты в Ленинград, но мне казалось бы, что твой голос должен зазвучать на этой сессии. Не уверен, что приглашен Бонди,⁵ но и он должен был бы выступить хотя бы в прениях по докладам.

С большой грустью прочел статью юного Машинского «Литературоведение и современность». Конечно, она обеспечит ему согласие Щербины на вхождение в ИМЛИ, но неужели для этого надо было ходить колесом, заверяя публично в своей холуйской преданности своих будущих хозяев. Чем Машинский в этой статье лучше Бровмана?⁶

Рад триумфальной поездке Корнея Ивановича. Лондон стоит даже двух обедов в районе Архангельского собора. Перед отъездом он прислал мне свой новый сборник — «Современники», о кот<оро>м обязательно буду писать.⁷

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне. Будь здоров и счастлив!

Твой Юл. Окс.

Год и место написания установлены по почтовому штемпелю отправления на конверте: «26.5.62. Ялта».

¹ Реплика Лауры из второй сцены трагедии Пушкина «Каменный гость» (1826–1830): «Недвижим теплый воздух — ночь лимоном и лавром пахнет...».

² 5 июня 1962 года на выездном заседании Бюро ОЛЯ в Ленинграде Оксман выступил с докладом, посвященным изданию сочинений и писем Герцена, см.: *Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана. С. 410–419. Повестка заседания была сформулирована следующим образом: «О типах академических изданий собраний сочинений русских классиков (опыт издания собрания сочинений А. И. Герцена и И. С. Тургенева). Прозвучали доклады Алексеева и Оксмана и содоклады: С. А. Макашина, Л. Д. Опульской, Н. В. Измайлова» (Там же. С. 410, 418). См. письмо Оксмана Беркову от 13 мая 1962 года (Русская литература. 2005. № 4. С. 146). Вскоре после этого совещания, в июле 1962 года Оксман вместе с Гудзием были включены в состав Бюро Научного совета по изданию собраний сочинений русских классиков при ОЛЯ АН СССР (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1078. Л. 24).

³ В 1961–1977 годах литературовед Федор Яковлевич Прийма (1909–1993) был заместителем директора ИРЛИ. Об А. И. Овчаренко см. прим. 5 к п. 49.

⁴ Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) — государственный и общественный деятель, литературовед, член-корреспондент (1958), академик (1966) АН СССР, с 1957 года заместитель, с 1963 года исполняющий обязанности, в 1967–1986 годах — академик-секретарь ОЛЯ; с 1963 года — член Президиума АН СССР; член Правления Союза писателей с 1954 года и Президиума ВАК СССР с 1959 года.

⁵ Бонди Сергей Михайлович (1891–1983) — литературовед, пушкинист, текстолог, с 1950 года — профессор МГУ; на сессии не выступал. Одна из предшествующих фраз письма отсылает к дискуссии о гуманизме, организованной Союзом писателей СССР и ИМЛИ в мае 1962 года. Открыли дискуссии всгупительные доклады А. А. Суркова и И. И. Анисимова, см.: *Козлов С. И.* Дискуссия о гуманизме // *Известия ОЛЯ.* 1963. Т. XXII. Вып. 2. С. 158–162.

⁶ Вероятно, имеет место оговорка Оксмана. Во втором сборнике серии под общим названием «Литературоведение и современность» (М., 1962) были опубликованы статья «Мастерство о мастерстве: о книге К. Чуковского „Мастерство Некрасова“» историка литературы, литературного критика, с 1960 года — заведующего кафедрой русской литературы Литературного института им. А. М. Горького Семена Иосифовича Машинского (1914–1978) и статья «Люди в большом пути: о романе В. Фоменко „Память земли“» литературоведа Григория Абрамовича Бровмана (1907–1984).

⁷ 19 мая 1962 года Чуковский вылетел в Англию; 21 мая в Оксфорде состоялось присуждение ему степени «Доктора литературы» (*honoris causa*). 25 мая датировано письмо Оксмана к дочери Чуковского, в котором он писал: «Я очень рад, что Корней Иванович все-таки поехал

в Лондон <...> Я очень был обрадован его новым сборником — „Современники“. Разумеется, заготовлю для него длинный лист вопросов, замечаний и поправок» (*Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г.* «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...»: Из переписки (1948–1970) / Предисловие и комм. М. А. Фролова; подг. текста М. А. Фролова и Ж. О. Хавкиной // Знамя. 2009. № 6. С. 163). Речь идет о книге «Современники», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия». Тогда же, в мае 1962 года, Оксман отправил Чуковскому подробное письмо с приложением списка вопросов, замечаний и поправок (*Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка [1949–1969] / Предисловие и комм. А. Л. Гришунина. М., 2001. С. 116–119).

47

29/V 62 <Москва>

Дорогой друг!

Вернувшись вчера из Ленинграда, куда ездил (вместе с Т<атьяной> Льв<овой>) на неделю на совещание по древней русской литературе в Пушк<инском> доме и где читал свой доклад о традициях литературы Киевской Руси в литературах восточных славян XIII–XVII вв.,¹ получил твое подробное, обстоятельное письмо. Тороплюсь ответить тебе с благодарностью так, чтобы письмо мое застало тебя в Ялте. Очень заразительно пишешь ты и о Таганроге, и об Ялте. Чувствуется, что ты физически и душевно помолодел и полюбил жизнь юношеской любовью. Рад за тебя и сам хотел бы быть на твоём месте.

В Ленинграде, за исключением двух последних дней моего пребывания в нем (суббота и воскресенье), было холодно и дождливо, в противоположность Москве, где стоит и стояла большая жара (до 29°). Встретила меня с женой целая делегация из древников во главе с Лихачевым.² Поместили в Европейской гостинице, куда, как и в «Асторию», я больше не ездок, т. к. ежедневно живешь там и тут под угрозой, что тебя выселят ввиду приезда иностранцев.

Заседания прошли сносно, довольно насыщенно, несмотря на то, что значившиеся на повестке Виноградов и Голенищев-Кутузов³ не приехали в Ленинград — первый из-за того, что укатил в Польшу, второй — по болезни. В субботу В. М. Жирмунский с женой увезли меня и Т<атьяну> Льв<овну> к себе в Комарово. Тут же мы встретились с Алексеевыми, которые попрекают меня в охлаждении к ним. Как мог, старался разубедить их <в их> подозрениях. В четверг обедали у Мейлахов вместе с Лихачевым. Там узнал подробности выдвижения в Пушк<инском> доме кандидатов в члены-корреспонденты>. Больше всех голосов получил Мейлах, затем Городецкий (sic!) и еще меньше Базанов (!).⁴ В разговоре со мной Мих<аил> Павл<ович> защищал кандидатуру Базанова, утверждая, что он «думающий» исследователь. При вторичном свидании с ним я рассказал ему о той бурной неприязни, которая обнаружена была по отношению к нему на заседании в Отделении числа 18-го, когда его буквально измордовали все честные и даже получестные фольклористы.⁵ Это мое сообщение заставило Мих<аила> Павл<овича> призадуматься и даже как будто поколебаться. В Москве, как я слышал, в Институте миров<ой> лит<ературы> выдвинули Щербину и тебя.⁶ Нечего говорить о том, что твоя кандидатура вызывает наибольшую симпатию. Объективно говоря, кто же лучше тебя? Но мы знаем, что браки совершаются на небесах. Будем молить небеса, чтобы они были справедливы в оценках литературоведческих заслуг.

По приезде в Москву я оказался заваленным текущей работой, к которой прибавилось еще предложение Копелева⁷ присоединить свою подпись к пись-

му в «Новый мир» А. А. Ахматовой, Всев<олода> Иванова и Бонди по поводу заметки Назаренко в «Октябре», уже опротестованной Андрониковым в «Лит<ературной> газете». Прежде чем решить это сделать, сейчас примусь за чтение вновь материалов Герштейн.⁸ Ни на какие текстологические заседания не пойду и не поеду: нет времени. Обнимаю тебя. До скорой встречи!

Твой Н. Гудзий

Перед отправлением письма позвонил в Болшево, Дурьлиной,⁹ чтобы узнать о здоровье Антонины Петровны, но к телефону никто не подошел: очевидно, все на воздухе.

¹ В сентябре 1963 года Гудзий выступил на V Международном съезде славистов в Софии с докладом «Традиции литературы Киевской Руси в старинных украинской и белорусской литературах» (Славянские литературы: Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь, 1963). М., 1963. С. 14–46).

² Речь идет о Пятом Всесоюзном совещании по древнерусской литературе, проходившем с 22 по 26 мая в ИРЛИ. Председательствовал на совещании член-корреспондент АН СССР и заведующий Сектором древнерусской литературы Д. С. Лихачев. Гудзий выступил с докладом «Традиции литературы Киевской Руси в литературах восточных славян XIII–XVII вв.» (Салмина М. А., Творогов О. В. V Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // Известия ОЛЯ. 1962. Т. XXI. Вып. 5. С. 460–462).

³ Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904–1969) — поэт, переводчик, специалист по западноевропейской литературе Средних веков и Ренессанса, с 1955 года — старший научный сотрудник ИМЛИ; до 1955 года — в эмиграции.

⁴ Городецкий Борис Павлович (1896–1974) — литературовед, пушкинист, в описываемое время — заведующий Сектором новой русской литературы ИРЛИ. Базанов Василий Григорьевич (1911–1981) — литературовед, фольклорист, в 1955–1960, 1963–1965 годах — заместитель директора ИРЛИ; был избран членом-корреспондентом АН СССР по ОЛЯ в июне 1962 года.

⁵ Речь идет о заседании Бюро ОЛЯ 15–16 мая 1962 года (Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. № 725. Л. 1–98 (15 мая), 99–197 (16 мая)). Описываемый Гудзием эпизод относится к первому его дню. Повестка была обозначена следующим образом: «О задачах советской фольклористики и деятельности комиссии по народному творчеству». Председательствовал Виноградов, с основным докладом выступал Базанов, в обсуждении участвовали: А. А. Петросян, Б. Н. Путилов, К. С. Давлетов, М. Б. Храпченко, Е. М. Мелетинский, В. Е. Гусев, П. Г. Богатырев, В. Я. Пропп, Н. И. Кравцов, Э. В. Померанцева, А. М. Астахова, В. М. Сидельников, А. В. Руднева. Речь во вступительном слове Виноградова шла о «неблагополучии» в деятельности Комиссии по народному творчеству при ОЛЯ, которая вызывает самые разнообразные «нарекания», о предполагавшемся создании в 1966–1967 годах Института народного творчества (или фольклористики) в Саратове для «сосредоточения изучения народного творчества в пределах одного института» (л. 2–3). Свое выступление Базанов начал с того, что ему ничего не известно о «нареканиях» в адрес Комиссии, а затем, затронув вопрос о современном положении и перспективах развития фольклористики в СССР, высказал ряд критических замечаний в адрес Б. Я. Рыбакова и Проппа, в трудах которого, как утверждал Базанов, «история иногда приносится в жертву авторской концепции», Рыбаков же «настаивает на более расчлененной и конкретной исторической и социальной характеристике». С другой стороны, продолжал Базанов, «следуя за Рыбаковым, легко оказаться в плену эмпирического историзма, повторить ошибки старой школы». Критика докладчика коснулась и Путилова («вольное обращение с историей и фольклором»). Наряду с этой критикой, доходящей до обвинений, Базанов упомянул и о результативности сравнительно-исторического метода при изучении фольклора в работах В. М. Жирмунского, Проппа и др., похвалил статью Путилова об историческом изучении русского фольклора (л. 4–11). В изучении фольклора Базанов призывал переходить «от вопросов историко-генетических к вопросам общественно-политическим, не отрывая их от эстетики»: такие исследователи, как Гусев, считал Базанов, «возводят ложную теорию заострений и реалистических открытий» (докладчик ссылался в данном случае на работы Ф. И. Буслаева, которым, по его мнению, не хватает «настоящей и принципиальной критики») в «некую закономерность, подкрепляя ее более интеллектуальной фразеологией <...> Академическая фольклористика слишком замкнулась в понятия, привитые традиционным представлением о народном творчестве» (л. 18). Говорил Базанов и о необходимости созыва Всесоюзного совещания фольклористов, помощи Комиссии со стороны академических институтов и наличия собственного печатного органа (л. 26, 28). Завершая свой доклад, он обвинил Путилова (заведующего сектором фольклора ИРЛИ в 1957–1967 годах) в срыве, «при поддержке и одобрении» Астаховой, заседания Комиссии, которое предполагалось провести в конце апреля в ИРЛИ и на котором должен

был обсуждаться план и заслушиваться доклад Базанова (л. 27). Виноградов, отвечая на обвинения Базанова, заявил, что получил письма от Жирмунского, Путилова, Астаховой, Мелетинского, Гусева и готов познакомиться докладчика с их содержанием (л. 29). Из выступления Петросян: «...этот доклад — это не сообщение председателя, это выступление одного из фольклористов, причем русского фольклориста, это не выступление главы Комиссии всесоюзного масштаба, здесь нет ни звука о том, что сейчас делается в области науки о фольклоре народов Советского Союза» (л. 33–34). Путилов: Базанов «свел все к проблеме историзма», говорил о «заострении оценок» («Заострение не должно идти в рамках оглушения идей оппонентов» (л. 37–38)). «Базанов был заместителем директора ИРЛИ и никакого участия в Координационной комиссии прежнего состава не принимал <...> Он высказывался в скептическом и ироническом плане по поводу Координационной комиссии». Путилов отметил и крайнюю неосведомленность докладчика, оперировавшего именами «двух-трех фольклористов» (л. 44, 45). Базанову захотелось встретиться с членами Комиссии для того, чтобы подготовить основные положения своего доклада, но члены Комиссии ему в этом отказали: Комиссия фактически бездействовала, а Базанов хотел предстать перед ней так, что велась определенная работа. Путилов заявил, что Базанов не может быть руководителем Научного совета по фольклору, и выразил общее пожелание коллег о наиболее подходящей кандидатуре — Жирмунском (л. 48). Давлетов в своем выступлении возразил Путилову и рассказал о том, что Комиссия собиралась, хотя и в малочисленном составе (он привел некоторые результаты ее работы), и посетовал на поведение членов Комиссии: для Астаховой и Путилова Базановым были устроены командировки от ИРЛИ, они же не пожелали поехать на совещание, заместителем председателя официально избрали Мелетинского, а он написал письмо в ОЛЯ о кандидатурах Сидельникова и М. И. Богданова (л. 52–57). Храпченко, заменивший покинувшего заседание из-за срочных дел Виноградова, привел письмо Путилова, а также коллективное письмо Гусева, Мелетинского и Богатырева. Речь в его выступлении шла о признании неправомочности выбора председателя на совещании и самого совещания в целом ввиду отсутствия целого ряда основных его членов — Богатырева, Померанцевой, Астаховой и Жирмунского: «Базанов самовольно произвел реконструкцию комиссии, назначив новых заместителей и введя новых членов» (л. 61). Мелетинский: выборы не состоялись как некий юридический «акт», были лишь предложения, вынесенные на обсуждение. Заявление Базанова о том, что вопрос о выборах он передает в ОЛЯ, оказалось ложным (л. 62–63). Пропп: координационная комиссия не оправдала ожиданий, возложенных на нее, ученый совет должен выбрать председателя «из своей среды» (л. 67–68). Померанцева: фольклористами ведется активная работа, но она никоим образом не координируется ни одной комиссией АН СССР, работа секретаря комиссии Давлетова никак не может быть признана удовлетворительной. В качестве председателя Научного совета или Комиссии Померанцева предложила кандидатуру Путилова или Астаховой (л. 75, 78). Линию защиты Базанова продолжил Сидельников, заявив в своем выступлении, что его кандидатура была утверждена Бюро ОЛЯ. Были также выдвинуты кандидатуры Путилова, Гусева, Емельянова, Богдановой, но кандидаты либо отказались, либо их не утвердили. «Путилов совершает элементарную бестактность: самому уйти в кусты, а потом выступить на авторитетном собрании и пропеть «Лазаря»» (л. 92, 95). Гусев еще раз поднял вопрос о неудовлетворительности работы ученого секретаря Комиссии и подкасовке фактов Базановым: в действительности он был утвержден заместителем, а не работал в порядке самодеятельности и не считает возможным работать при новом председателе Базанове (л. 97). Заседание закончилось 16 мая решением оставить председателем Комиссии Базанова, но ввести в ее состав Путилова, Мелетинского, К. В. Чистова и др. (л. 196).

⁶ В переписке и в достаточно обширном собрании документов по выдвижению ученых в члены-корреспонденты и академики АН СССР за 1962 год (Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. № 717, 730) имя Оксмана не фигурирует — очевидно, его кандидатура была отклонена на этапе рассмотрения Экспертной комиссией. Кандидатура Щербины фигурирует в целом ряде документов как рекомендованная лично Г. Л. Абрамовичем и поддержанная Л. И. Тимофеевым, В. О. Перцовым, Р. М. Самаринным и У. Р. Фохтом (см. протокол заседания Ученого совета ИМЛИ № 7 от 25 мая 1962 года: Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. № 564. Л. 24–25).

⁷ Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) — филолог-германист, литературный критик, правозащитник, к моменту написания письма — научный сотрудник Московского Института истории искусств. См.: «...Все гуще мрак...»: (Переписка Ю. Г. Оксмана с Р. Д. Орловой и Л. З. Копелевым) / Вступ. заметка, публ. и комм. В. Н. Абросимовой // Известия ОЛЯ. 1995. Т. 54. № 2. С. 81–89.

⁸ Назаренко В. В покоях императрицы [фельетон, посвященный статье Э. Г. Герштейн «Вокруг гибели Пушкина» (Новый мир. 1962. № 2. С. 211–226)] // Октябрь. 1962. № 5. С. 153–154; Андроников И. Улыбка без причины (По поводу заметки В. Назаренко) // Литературная газета. 1962. 26 мая. № 62. С. 2; Ахматова А., Иванов В., Бонди С., Маршак С. В редакцию «Нового мира» [в связи с фельетоном В. Назаренко] // Новый мир. 1962. № 7. С. 286.

⁹ Комиссарова Ирина Алексеевна (1899–1976) — литератор, вдова С. Н. Дурылина, в подмосковном доме в Болшеве проживала вместе с мужем с 1936 года; впоследствии хранила, изучала и систематизировала архив Дурылина для дальнейшей передачи части его на государственное

хранение. При ее ближайшем участии в Болшеве была открыта библиотека, куда были переданы книги из собрания ученого. Гудзия и Дурьлина в 1920-е годы связывала работа в ГАХН. В 1929 году намечался к выходу сборник статей по истории русского символизма под редакцией Гудзия, но он не вышел в свет по причине близящейся ликвидации ГАХН и связанных с нею притеснений как в отношении руководства академии, так и в отношении ее действительных членов. Между Дурьлиным и Гудзием сложились доверительные и дружеские отношения, о чем свидетельствует их переписка: *Торопова В. Н.* «Душой с Вами...»: о дружбе двух ученых — историка литературы Николая Каллиниковича Гудзия (1887–1965) и писателя, литературоведа Сергея Николаевича Дурьлина (1886–1954) // Московский журнал. 2018. № 7 (331). С. 75–83.

48

10/V <1963 года. Ялта>

Дорогой Николай Каллиникович,
приветствую тебя с берегов Салгира, когда-то милых твоему сердцу. Я здесь уже две недели, но никак не могу прийти в себя. За этот год я постарел лет на десять — вдруг понял, что такое старость, вдруг понял, что сопротивляться ей бессмысленно, что жить осталось очень недолго, что все равно ничего уже не успею сделать путного. Все эти ощущения мешают наслаждаться весной, морем, горами, лесами, парками, соловьиной песней, цветущей черемухой и сиренью. Люди здесь собрались хорошие — Каверины, Паустовские, Шкловские, Виктор Некрасов, Степанов, Орлов, Ермолинские. Внизу, в Ореанде, живут Ивановы.¹ Каждый день хожу в кино — смотрю все, что не увидел в Москве. Работать не собирался, но читаю журналы — это тоже ведь работа, да к тому же не очень легкая. Возвращаюсь в Москву 24-го. В Ленинград не собираюсь. Получил от Рива первый номер «Slavic Review» за 1963 г., в котором помещен его обзор лучших советских работ по классической русской литературе. Он выделяет книги Чуковского, Скафтымова, твоего Толстого, «Евгения» Онегина Бонди, мой саратовский сборник, посмертные издания Эйхенбаума и Томашевского, еще что-то.² Нет в этом обзоре ни Благого, ни Ермилова, ни Щербины, ни Тимофеева.³ Но нет и Виноградова.

С нетерпением жду твоей статьи в «Новом мире».⁴ Книжку Храпченко не жду, хотя уже ее получил.⁵

Надеюсь, что все у тебя благополучно. Письма Антонины Петровны меня радуют — она, видимо, уже почти здорова.

Всегда твой Юл. Оксм.

Год установлен по почтовому штемпелю получения на конверте: «14.5.63. Москва».

¹ Упомянуты: Некрасов Виктор Платонович (1911–1987) — писатель; его путевые очерки «По обе стороны океана» (Новый мир. 1962. № 11–12) Хрущев резко раскритиковал 8 марта 1963 года на встрече представителей партии и правительства с художественной интеллигенцией (см.: *Лазарев Л.* Верность правде: Творческий путь Виктора Некрасова // Литература — Первое сентября. 2002. 8–15 мая. № 18. С. 5–9); Орлов Владимир Николаевич (1908–1985) — историк литературы, писатель; Ермолинский Сергей Александрович (1900–1984) — драматург, сценарист; Луговская Татьяна Александровна (1909–1994) — театральная художница; Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) — писатель, драматург; Иванова Тамара Владимировна (урожд. Каширина; 1900–1995) — актриса, литератор, переводчица.

² *Reeve F. D.* Recent Soviet Studies in Russian Classical Literature // *Slavic Review*. 1963. March. Vol. XXII. № 1. P. 126–134. В этом обзоре литературовед-славист Франклин Рив (1928–2013) рассказал, помимо упоминавшегося ранее сборника статей Оксмана «От „Капитанской дочки“ А. С. Пушкина к „Запискам охотника“ И. С. Тургенева» (Саратов, 1959), о следующих книгах: *Скафтымов А. П.* Статьи о русской литературе. Саратов, 1958; *Максимов Д. Е.* Поэзия Лермонтова. Л., 1959; *Чуковский К.* Люди и книги. 2-е изд., доп. М., 1960; *Гудзий Н. К.* Лев Толстой: Критико-биографический очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1960; *Эйхенбаум Б. М.* 1) Лев Толстой: Семидесятые годы. Л., 1960; 2) Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961;

Томашевский Б. Пушкин: [В 2 кн.]. М.; Л., 1961. Кн. 2. Материалы к монографии (1824–1837); Громов П. П. Герой и время. Л., 1961; Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах / Предисловие, прим. и пояснит. статьи С. Бонди. М., 1960. Рив встречался с Оксманом, бывая в СССР (в частности, в 1961 и 1962 годах), и состоял с ним в переписке, см.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 825.

³ Тимофеев Леонид Иванович (1904–1984) — литературовед, специалист по теории литературы, педагог, переводчик, член-корреспондент АН СССР, заведующий Отделом советской литературы ИМЛИ.

⁴ Речь идет о статье Гудзия «Что считать „каноническим“ текстом „Войны и мира“», напечатанной в апрельской книжке журнала «Новый мир». См. прим. 4 к п. 57.

⁵ Храпченко М. В. Лев Толстой как художник. М., 1963.

49

14/V 63 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Спасибо тебе за письмо, сегодня мной полученное. Знаю, что писать письмо на отдыхе труднее, чем на месте постоянного жительства, и потому особенно дорожу твоим эпистолярным подвигом.

Не могу я поверить, чтобы ты утратил чувство мужской молодости и романтический пыл и романтическую инициативу, идущую не от легкомысленной авантюры, а от сердца и воображения. Убежден в том, что, вернувшись в Москву, ты запоешь другие, более жизнерадостные песни — на смену тем, какие навевают кладбищенские кипарисы.

Что сказать о себе? Живу однообразно, в трудах и в суете. Вчера на объединенном заседании ОЛЯ и Отд<еления> историч<еских> наук читал доклад об изобретении Кириллом и Мефодием славянской азбуки и о переводе ими священного писания.¹ Это вместо доклада в Зальцбурге, где я должен был представлять Советский Союз и куда по высшим соображениям Иностранного отдела АН Советскому Союзу не рекомендовано представительство.² Застарелый педагог, читаю и рецензирую дипломные работы наших студентов, вожусь со стажерами из Франции и США, прибывшими к нам со своими темами и с примитивной методологией. Во имя человечности и в борьбе за элементарную порядочность с отвращением два раза в месяц посещаю заседания экспертной комиссии,³ где приходится вступать в состязания с молодцами среднего общественного уровня, nomina которых суть odiosa,⁴ а фамилии — Бельчиков, Овчаренко, Петров, Ревякин и К.⁵

Рив прислал мне отгиск своей рецензии на наши работы. Если бы об этой рецензии отозвался критик из «Октября», он сказал бы, что от нее пахнет «групповщиной». По ассоциации с «Октябрем» вспомнил ленинградскую «Неву» с сенсационной статьей Абрамова «Вокруг да около», написанной под впечатлением успеха Солженицына, но с запозданием, и потому получившую очень энергичный окрик откуда следует.⁶

Статья моя о «Войне и мире» должна появиться в № 4 «Нового мира», который вот-вот должен выйти.

Сегодня приобрел 2-й том «Истории русской литературы» под ред<акцией> Д. Д. Благого, но ощутить его еще не успел.⁷

Радуюсь выздоровлению Антонины Петровны. Был бы рад, если бы то же мог сказать о Т<атьяне> Льв<овне>.

Завидное у тебя общество. Передавай мой привет Шкловским, Каверину, Некрасову, Степанову, Орлову, Паустовскому.

Крепко тебя обнимаю.

Твой Н. Гудзий

¹ О заседании и о выступлении Гудзия см.: *Князевская О. А.* Объединенная научная сессия Отделения литературы и языка и Отделения исторических наук АН СССР, посвященная 1100-летию славянской письменности // *Известия ОЛЯ.* 1963. Т. XXII. Вып. 5. С. 455–458.

² В 1963 году, судя по материалам, сохранившимся в фондах ОЛЯ и Главного управления внешних связей АН СССР, академической и партийной администрацией было не рекомендовано советское участие в целом ряде крупных зарубежных научных мероприятий (Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. № 413, 737–739). Это коснулось представителей не только гуманитарных, но также естественных, точных и технических наук. Гудзий был вынужден 13 апреля 1963 года отправить одному из организаторов конгресса в Зальцбурге, посвященного Кириллу и Мефодию, извинительное письмо с отказом от участия в нем и с указанием ложных причин отказа — к такой фигуре умолчания приходилось часто прибегать представителям советской художественной и научной интеллигенции: «Многоуважаемый Коллега! С огорчением должен Вам сообщить, что я не смогу принять участия в Зальцбургском Конгрессе в память славянских первоучителей Кирилла и Мефодия по состоянию своего здоровья, которое заставит меня летние месяцы провести в санатории. По причине того же недомогания я не смог бы и приготовить доклад на тему, подходящую для Конгресса. Специально Кирилло–Мефодиевским вопросом или близкими к нему проблемами я не занимался, и подготовка соответствующего задачам Конгресса доклада отняла бы у меня много времени, а главное — сил, которыми, к сожалению, я теперь не могу похвастаться. Прошу прощения у организаторов Конгресса, если я не оправдал их ожиданий. С искренним уважением к Вам Ник<олай> Гудзий» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карг. 2. № 30. Л. 1).

³ Гудзий был членом Литературоведческой экспертной комиссии ВАК СССР.

⁴ От *лат.* «*Nomina sunt odiosa*». Буквальный перевод: «имена ненавистны». В русский язык это выражение вошло в следующей форме: «Не будем называть имен».

⁵ Овчаренко Александр Иванович (1922–1988) — литературовед, специалист по творчеству М. Горького, в 1965–1988 годах — заведующий редакцией Полного собрания сочинений М. Горького ИМЛИ. Причины такого отношения Гудзия к Овчаренко отчасти проясняют воспоминания Е. М. Евниной: *Яневич Н.* Институт мировой литературы в 1930-е — 1970-е годы // *Память. Исторический сборник.* Париж, 1982. Т. 5. С. 86–87, 144–148. Ревякин Александр Иванович (1900–1983) — литературовед, педагог, с 1960 года — профессор, впоследствии — заведующий кафедрой теории и истории литературы МГПИ им. В. И. Ленина.

⁶ *Абрамов Ф.* Вокруг да около // *Нева.* 1963. № 1. С. 109–137. Речь идет об очерке Ф. А. Абрамова «Вокруг да около», имевшем огромный успех у читательской аудитории, но вскоре вызвавшим грубую директивную критику в печати, см.: *Колесов В.* Действительно, вокруг да около // *Советская Россия.* 1963. 13 апр.; *Беляев Н.* Нет, это не правда жизни // *Ленинградская правда.* 1963. 28 апр.; *Степаков В.* Сельская тема в очерках писателей // *Коммунист.* 1963. № 13. С. 50–58. В письме также упомянута публикация в № 1 «Нового мира» за 1963 год рассказа А. И. Солженицына «Матренин двор» (вместе с рассказом «Случай на станции Кречетовка» (у автора: «Кочетовка»), под общим заголовком «Два рассказа»).

⁷ *История русской литературы.* М.; Л., 1963. Т. 2. Литература первой половины XIX века / Глав. ред. Д. Д. Благой; редкол.: А. М. Лаврецкий, У. Р. Фохт, А. Г. Цейтлин.

Дорогой Николай Каллиникович,
в своем больничном уединении я раздумался о разных академических делах, в которых приходится мне принимать то или иное участие. Естественно, что в этих размышлениях некоторое место должна была занять и наша Комиссия по истории филологической науки.¹ В отличие от аналогичной Комиссии при Отделении исторических наук, развернувшей серьезную систематическую работу, наша Комиссия в последние два года существовала, в основном, только на бумаге. Все ее члены — люди, бесконечно перегруженные, старые, не очень уже энергичные и не очень влиятельные. У нас нет молодого актива, нет аппарата, а сейчас нет уже и оргсекретаря («ученого» у нас фактически и не было).² Организовать издание полуграмотных экспромтов Луначарского (да еще в неправленных стенограммах) — это не значит «научная организация научно-исследоват<ельской> работы», тем более,

что кроме скандала это издание, если бы оно не дай бог совершилось, не принесло бы <ничего>.³

Итак, без умного, энергичного, работающего, знающего наши академические джунгли секретаря — нам не обойтись. В первую очередь нам необходимо собрать и сдать в производство первый том наших трудов по истории филологической науки.⁴ Я выслушал твои мысли о возможных кандидатах на должность ученого секретаря — и пришел в ужас! Разве можно в данной ситуации думать об интересах тех или иных случайных лиц, жаждущих штатного места, а не о большой и ответственной работе, без которой Комиссию надо распустить. Единственным человеком, который отвечает всем требованиям (энергия, инициатива, преданность делу, связи с академическим аппаратом, самоотверженная работа в области истории филологической науки, высокая порядочность), является Андрей Леопольдович Гришунин, секретарь Научного Совета по классикам⁵ и младший научный сотрудник сектора текстологии. Его хорошо знают В. В. Виноградов, М. П. Алексеев, Л. Д. Опульская, П. Н. Берков, Д. С. Лихачев. Тяжелые отношения его с В. С. Нечаевой позволяют надеяться, что он принял бы наше предложение.⁶ Еще раз повторяю, что вопрос о секретаре Комиссии по истории филологической науки — это вопрос о жизни и смерти нашей Комиссии. А с Гришуниним ты легко сработаешься и получишь в его лице самого подходящего помощника. С ним легко будет работать и мне, и Павлу Наумовичу, и всем другим. Подумай, посоветуйся, поговори с Виктором Владимировичем⁶ — ведь у нас все стоит без движения уже два года!

В больнице мне стало легче, сбит сахар, стала свежа голова, болят только ноги. Лечат меня энергично. Много гуляю (с 12 до 2-х, с 5 до 7, а иногда и с 7 до 9). Читаю «Историю русской литературы» Благого и К⁷ (жуть! Саводник гораздо умнее и богаче материалом), книжку Храпченко о Толстом (толково, хотя и скучновато, без взлетов и без общей культуры), воспоминания Сергея Маковского «На Парнасе серебряного века» (Мюнхен, 1962) и Федора Степуна (не так интересно, как рассказы о поэтах и литераторах XX века С. Маковского).⁷

С Антониной Петровной опять очень плохо. Ее необходимо перевезти в больницу, а здесь ремонт — поэтому мест нет, новых больных не принимают. Навещает меня ежедневно Люда Шаргина⁸ — она же ведет и мои «дела», поддерживая связь с квартирой и внешним миром.

Будь здоров и благополучен.

Весь твой Юл. Окс.

* Эта работа не оплачивается и не учитывается!

¹ Создание Комиссии по истории филологических наук в структуре ОЛЯ АН СССР относится к середине 1950-х годов (первоначально, в 1951 году была основана Комиссия по подготовке издания «История филологических наук в СССР», которое в конечном счете так и не вышло в свет). Возглавлял ее Н. К. Гудзий, а основной состав участников включал Ю. Г. Оксмана, В. В. Виноградова, М. П. Алексеева, В. П. Адрианову-Перетц, П. Н. Беркова, Н. Ф. Бельчикова, Д. С. Лихачева, Г. М. Фридлендера, В. И. Абаева, С. Г. Бархударова, В. Д. Кузьмину и др. Задачи Комиссии формулировались следующим образом: «изучение архивных фондов русских филологов, труды которых сыграли выдающуюся роль в истории науки»; подготовка к изданию «вновь найденных рукописей» и введение в научный оборот «ценнейших материалов по истории науки»; проведение «исследований по истории филологической науки» («изучение отдельных этапов истории отечественного литературоведения», проблем «международных литературных связей в историческом аспекте», «монографические исследования научной деятельности филологов прошлого»).

² Речь идет о секретарях комиссии — М. Б. Козьмине и скончавшейся в 1963 году З. С. Шепелевой.

³ Эта книга, включившая стенограммы лекций по истории русской литературы, прочитанных Луначарским в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова в 1924–1929 годах, вышла в свет спустя тринадцать лет: Луначарский А. В. Очерки по истории русской литературы /

Вступ. статья Е. А. Мельниковой; подг. текста и прим. С. П. Красновой, Е. А. Мельниковой, Ф. Н. Пицкель, С. А. Розановой, Н. А. Трифонова, Л. М. Хлебникова. М., 1976.

⁴ Коллективный научный труд «Из истории русской филологии XVIII–XX веков», авторы которого ставили перед собой «задачу опубликовать исследования по отдельным этапам истории филологической науки, работы о значении филологических школ в развитии науки, о роли русской Академии наук как главного научного центра в истории отечественной филологии, обзоры жизни и научной деятельности крупных литературоведов», был анонсирован в научной печати, но не вышел в свет (*Шепелева З. С.* В комиссии по истории филологических наук. С. 568). О трудностях, связанных с его подготовкой, Оксман писал 17 сентября 1962 года Беркову, с 1959 года — члену Бюро и заместителю председателя Комиссии (Русская литература. 2005. № 4. С. 157). Основные издания, подготовленные членами Комиссии или изданные под ее наблюдением: *Азадовский М. К.* Из истории русской фольклористики. М., 1958. Т. 1 / Вступ. статья В. М. Жирмунского; *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2 / Общ. ред., предисловие и вступ. статья В. И. Бorkовского. М., 1958; *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков / Предисловие В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962; *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине / Сост. сб., ред. и прим. Т. Г. Цявловской; отв. ред. Ю. Г. Оксман. М., 1962; Письма И. В. Ягича к русским ученым. М., 1963. [Т. 1]. 1865–1886 гг. / Изд. подг. Г. П. Блок и Т. И. Лысенко; под ред. В. В. Виноградова и Г. П. Блока; *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII в.: Материалы к истории русской литературы XVIII в. / Предисловие, подг. к печати, ред. и прим. В. Д. Кузьминой. М., 1963; Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей / Сост. Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский; отв. ред. Н. Ф. Бельчиков. М., 1963; *Азадовский М. К.* Из истории русской фольклористики. М., 1963. Т. 2 / Подг. к печати Л. В. Азадовская; под общ. ред. Э. В. Померанцевой; *Бродский Н. Л.* Избр. труды / Под ред. Н. К. Гудзия; [подг. текста и прим. Е. С. Смирновой-Чикиной]. М., 1964; *Гиппиус В. В.* От Пушкина до Блока / Отв. ред. Г. М. Фридендер. М.; Л., 1966; *Еремин И. П.* Литература Древней Руси (Этюды и характеристики) / Вступ. статья Д. С. Лихачева. М.; Л., 1966; *Толстой И. И.* Статьи о фольклоре / Сост. В. Я. Пропп. М.; Л., 1966.

⁵ Гришунин Андрей Леопольдович (1921–2006) — литературовед, текстолог, с 1958 года — сотрудник Сектора текстологии ИМЛИ, возглавляемого В. С. Нечаевой, с 1962 года — ученый секретарь Научного совета по изданию классиков ОЛЯ АН СССР. См. п. 51.

⁶ Виноградовым.

⁷ В письме также упомянуты: труды В. Ф. Саводника «Очерки по истории русской литературы XIX в.» (М., 1906) и «Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времен до конца XVIII века» (М., 1913; 2-е изд.: 1914); *Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962; *Степун Ф.* Встречи: Достоевский — Л. Толстой — Бунин — Зайцев — В. Иванов — Белый — Леонов. Мюнхен, 1962. Последние два издания, как мы предполагаем, были получены Оксманом от Г. П. Струве либо по почте, либо с оказией — через американского историка Мартина Маля (1924–2004) или американскую славистку Кэтрин Фойер (см. вступительную статью к настоящей публикации и письмо Оксмана к Фойер от 22 июня 1963 года, не достигнувшее адреса в США и вернувшееся обратно: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 235): Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве / Публ. Л. Флейшмана // *Stanford Slavic Studies*. Stanford, 1987. Vol. 1. P. 42, 53 (письмо Оксмана от 3 января 1963 года и ответное письмо Струве); *Колобов Е. Ю.* «Я подчиняюсь этому страшному приговору»: Как был исключен из Союза писателей СССР Ю. Г. Оксман. 1964 г. // Исторический журнал. 2017. № 4. С. 73, 79.

⁸ Шаргина (в браке Немети) Людмила Борисовна — специалист по венгерской литературе, русско-венгерским литературным связям, творчеству А. А. Блока и А. Йожефа, проблемам символизма в русской, венгерской, чешской и польской литературах, переводчица, член редколлегии журнала «*Világirodalmi Figyelő*», в котором были напечатаны отклик на «Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского» (*Világirodalmi Figyelő*. 1960. № 6. P. 285–288, автор рецензии: L. Nyíro) и написанная самой Шаргиной рецензия на саратовский сборник статей Оксмана (*J. Oksman és új Köngve* // *Ibid*. 1962. № 1. P. 62–64; см. письмо Оксмана Беркову от 18 июня 1962 года: Русская литература. 2004. № 5. С. 148). Шаргина жила в Будапеште, работала в Институте литературы Венгерской Академии наук, была посредником в переговорах венгерских ученых с Оксманом о переводе саратовского сборника его статей и отдельного монографического комментированного издания письма Белинского к Гоголю — эти замыслы не были реализованы (см. письма Шаргиной Оксману от 1 марта и 27 апреля 1960 года // РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1010. Л. 1, 4 об.). О полученных им предложениях об издании сборника на немецком и венгерском языках и затруднительности для него переработке книги для иностранного читателя Оксман информировал Б. Я. Бухштаба 4 августа 1960 года (Русская литература. 2004. № 2. С. 221). В письме Скафтымову 20 августа 1960 года он писал о принятом им решении отказаться от этих предложений (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана. С. 306). Тем не менее 20 марта 1961 года Шаргина сообщила Оксману, что в план венгерского издательства «*Gondolat*» включены эти две работы Оксмана, и просила прислать рукописи для переводов (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1.

№ 1010. Л. 9). Весной 1962 и летом 1963 года, как и в прежние годы, Шаргина приезжала в Москву и Ленинград в командировку и в отпуск, гостила у Оксмана и его супруги, помогала им в быту и в работе (Там же. Л. 22–30, 49).

51

21/VI 63 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Вернувшись позавчера из Киева с заездом в город Могилев-Подольский, откуда я выехал 60 лет назад («и дым отечества...»)¹, я застал твое раздраженное письмо по поводу возглавляемой мной комиссии. Вероятно, ты формально прав, хотя и не посчитался с тем, что болезнь и смерть Зин<аиды> Серг<еевны> Шепелевой невольно затормозила работу комиссии и что я «работаю» в комиссии на добровольных началах, будучи обременен многими другими обязательствами. Я очень охотно передал бы руководство комиссией в другие руки, более энергичные, о чем и говорил с В. В. Виноградовым под впечатлением твоего письма, но кому? Был бы тебе очень благодарен, если бы ты стал у кормила этого учреждения. Что ты скажешь на это?

Ты, вероятно, помнишь, что я не преминул посоветоваться с тобой о кандидатуре уч<еного> секретаря комиссии. Ты очень неопределенно назвал имя А. Л. Гришунина, а тем временем поступило ходатайство научн<ого> сотрудника Аксаковского музея А. И. Кузьмина, поддержанное энергичными рекомендациями П. Н. Беркова, В. И. Малышева, Вильчинского, одобренное В. В. Виноградовым, и я согласен с этой кандидатурой, а Виноградов предложил Кузьмина зачислить.² Но сам вопрос о бытии Комиссии висит еще в воздухе, и ходят неопределенные слухи о ее ликвидации, благодаря чему Кузьмин (он кандидат филолог<ических> наук, специалист по XVIII в.) находится пока в выжидательном состоянии.

Дружески радуюсь тому, что тебе физически лучше и от души желаю тебе полного выздоровления. Опечален состоянием здоровья Антонины Петровны. Ей желаю всего самого лучшего. Дай Бог ей поскорее поправиться. Состояние здоровья и моей Татьяны Львовны очень не блестяще, хотя я и брал ее с собой и в Киев, и в Могилев-Под<ольский>. Какой упадок экономический и всяческий в провинции!

Всегда твой Н. Гудзий

¹ Ср.: «Окончив в 1900 г. 2-классное городское уч-ще в Могилёве, поступил в реальное уч-ще в с. Комрат Бендерского у. Бессарабской губ., откуда был переведен в Винницкое реальное уч-ще. В 1903 г. в связи с переходом отца на службу в Киев продолжил обучение в Киевском реальном уч-ще, из к-рого в 1906 г. ушел, „не поладив с начальством“» (Артамонов Ю. А. Гудзий Николай Каллиникович // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 424). В письме Гудзий цитирует «Горе от ума» Грибоедова (слова Чацкого, действие 1, явление 7).

² Кузьмин Александр Иванович (1916–2010) — музейный работник, писатель, литературовед, в 1960–1963 годах — научный сотрудник Музея-заповедника «Абрамцево», с 1963 года — старший научный сотрудник ИМЛИ; кандидатура Кузьмина на должность ученого секретаря Комиссии по истории филологических наук была тогда же утверждена. Вильчинский Всеволод Пантелеймонович (1916–1978) — историк литературы, в 1958–1968 годах ученый секретарь ИРЛИ.

Дубулты, 20/VII 63

Дорогой Юлиан Григорьевич!

Если ты и Антонина Петровна находитесь теперь в Москве, очень вам сочувствую: судя по сообщениям радио, жара в Москве зверская — до 30°! С 11 июля я с Татьяной Львовной — в Дубултах, на Рижском взморье, в Доме творчества писателей. Здесь стоит необычная для Балтики хорошая погода, в море можно купаться, к чему я на днях приступил. Приехал я сюда не по собственному влечению, а ради Т<атьяны> Льв<овны>, для которой — в связи с ее гипертонией — Рижское взморье должно быть целительным, но пока что особого облегчения она не испытывает. Настроение у меня не блестящее: около месяца мой брат провел в клинике <...>¹ Не очень радует меня и то, что в Москве осталась одна на всю квартиру, без домашней работницы, сестра.

Путевка наша кончается 3-го августа. Не знаю, попытаюсь ли продлить ее недели на две. Если это не произойдет, в начале августа вернусь в Москву.

Кроме погоды, ничего завлекательного в Дубултах нет. Живу я очень уединенно, кое-что пишу, кое с кем общаюсь (здесь Бялик с женой, Пospelов с женой, Чаковский и еще кое-кто из случайных знакомых; на днях должен приехать Храпченко, занятый пока в Москве своими новыми обязанностями; пока тут его жена; книга его о Толстом — неплохая).²

В свое время никак не мог дочитать «Поднятую целину» Шолохова.³ Одолеваю ее теперь и не знаю, кто, кроме самого автора, в состоянии понять его язык, как эту книгу можно перевести на иностранные языки. Темпераменты некоторых персонажей (Нагульнова, Разметнова и др.) напоминают героев трагедий Сумарокова.

Как твоё здоровье? В такой ли ты хорошей форме, в какой был при нашей встрече у Л. П. Гроссмана? Как чувствует себя Антонина Петровна? Ей и тебе от нас обоих сердечный привет.

Будь здоров, дорогой друг!

Твой Н. Гудзий

¹ В тексте письма исключены описанные Гудзием медицинские подробности операции его младшего брата, Михаила Каллиниковича Гудзия (1900–1965), военного врача (по специальности — дерматолога), подполковника медицинской службы.

² Бялик Борис Аронович (1911–1988) — литературовед, критик, с 1961 года — заведующий Сектором изучения творчества М. Горького и его супруга, Бялик Людмила Васильевна (1922–2009; благодарю за сообщенные сведения Е. В. Иванову и П. А. Каца); Пospelов Геннадий Николаевич (1899–1992) — специалист по теории литературы, профессор МГУ (в 1960–1977 годах — заведующий кафедрой теории литературы) и его супруга, Васильева Евгения Борисовна (1904–1992); Чаковский Александр Борисович (1913–1994) — писатель, журналист, главный редактор «Литературной газеты» в 1962–1988 годах. О Храпченко и его книге, упомянутой в письме, см. прим. 4 к п. 46 и прим. 5 к п. 48. Цытович Тамара Эрастовна (1907–1992) — музыковед, педагог, супруга М. В. Храпченко.

³ Упомянут роман «Поднятая целина» (1930–1959; 1-й том опубликован в 1932 году, 2-й том — в 1959 году) Михаила Александровича Шолохова (1905–1984).

26/VII <1963 года. Москва>

Дорогой Николай Каллиникович,
твое письмо меня очень обрадовало. Ты правильно сделал, что окунул-
ся в «балтические волны». В Москве душно, нечем дышать, а «заседания»

продолжаются, академический год затянулся, литературный — тоже. Институты пока не закрываются, но секцию критики и литературоведения распустили за полной ненадобностью. Оно и спокойнее. Редакцию «Литературной» Энциклопедии» осенью постигнет та же участь по тем же основаниям.¹

На кинофестивале был раз три-четыре. Смотрел и фильм Феллини «8 с ½». Мне кажется, что премирование этого собачьего бреда очень наглая насмешка над всем тем, что у нас делалось последние месяцы в области кино. Вам не нравится «Застава Ильича», вам противно «Иваново детство», вы под корень рубите все ростки нового, не отвечающие нормам «Стряпухи» и «Секретаря обкома» — так мы вас заставим увенчать первой премией Феллини за его демонстрацию распада сознания, за его фрейдистско-сюрреалистический бред сноба, одуревшего от «сладкой жизни». Это ответ наших гостей на бездарность последних советских фильмов типа «Знакомьтесь Балуев». Не хотим знакомиться!²

20-го забрал Антонину Петровну из больницы и перевез вчера в Болшево. До 1/VIII буду в городе, потом перееду недели на три тоже в Болшево. Работаю над «Капитанской дочкой» для Литературных памятников.³

Все восхищены твоей статьей в «Литературной газете».⁴ С большой нежностью тебя вспоминали сегодня у Шкловских,⁵ где были и Лида и Люда.⁶

Сердечный привет Татьяне Львовне и тебе от нас обоих!

Твой Юл.

Год установлен по штемпелям на конверте: «26.7.63. Москва», «29.7.63. Дубулты», «30.8.63. Дубулты», «21.9.63. Москва». На конверте отметка красным карандашом: «В Москве», им же зачеркнут адрес Гудзия в Дубултах.

¹ 13 июля Оксман сообщил В. В. Пугачеву: «Ждем ликвидации Союза писателей — и все же втайне не верим в возможность такого удара по советской культуре. Хорошо, что реорганизация перенесена на осень <...> Гуманитарные институты АН должны пройти особую чистку. Из-за финансового кризиса штаты с 1 января будут сокращены на 35–40%» (Герасимова Л. Е. Проблемы гуманитарной науки в неопубликованной переписке В. В. Пугачева и Ю. Г. Оксмана // Герасимова Л. Е. Пунктирная линия жизни. Саратов, 2018. С. 192). Тревога Оксмана относительно судьбы «Краткой литературной энциклопедии» связана с тем, что первый том, вышедший в 1962 году (второй был издан лишь в 1964 году), вызвал в печати целый ряд критических откликов, см.: *Кравцов Н. И.* [Рец. на кн.: Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М., 1962. Т. 1. Аарне–Гаврилов] // Известия ОЛЯ. 1963. Т. 22. Вып. 3. С. 249–254; *Гура В., Поляков М.* В ожидании второго тома // Вопросы литературы. 1963. № 5. С. 208–217; *Андреевский А.* Энциклопедия... ошибок // Октябрь. 1963. № 5. С. 198–200. О «нервной обстановке», в которой проходила работа над томами энциклопедии, и о серьезных проблемах, с которыми редакция столкнулась после выхода первого тома, Оксман писал Струве 21 декабря 1962 года (Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. Р. 35–36).

² Речь идет о Третьем московском международном кинофестивале, открывшемся 7 июля 1963 года. Упомянуты фильмы, участвовавшие в конкурсной программе фестиваля: «8 ½» («Otto e mezzo»; Италия–Франция, реж. Федерико Феллини, 1963), получивший большой приз, и «Знакомьтесь, Балуев!» (СССР, реж. Виктор Комиссаржевский, 1963). Также упомянуты фильмы «Иваново детство» (реж. Андрей Тарковский, 1962), «Застава Ильича» (реж. Марлен Хуциев; снимался с 1959 года, вышел на экраны в 1965 году под названием «Мне двадцать лет»), комедия «Стряпуха» А. В. Софронова (1960), экранизированная в 1965 году (реж. Эдмонд Кеосаян), роман В. А. Кочетова «Секретарь обкома» (1959–1961), экранизированный в 1964 году (реж. Владимир Чеботарев).

³ *Пушкин А. С.* Капитанская дочка / Изд. подг. Ю. Г. Оксман. М., 1964 (сер. «Литературные памятники»). Книга была подписана к печати в мае 1964 года.

⁴ *Гудзий Н. К.* Входящие в науку // Литературная газета. 1963. 25 июля. № 89. С. 2. Статья посвящена проблемам работы аспирантур в высших учебных заведениях и положению дел с защитами кандидатских диссертаций.

⁵ У В. Б. Шкловского и его супруги, Серафимы Густавовны (урожд. Суок; 1902–1982).

⁶ Л. Д. Громова-Опульская и Л. Б. Шаргина.

54

30/IV <1964 года. Ялта>

Дорогой

Николай Каллиникович,

поздравляю тебя, старый и испытанный друг, с днем рождения, а обеих твоих дам с новорожденным. Будь здоров, бодр, весел, радуй своих друзей, знакомых, читателей, почитателей тем, что ты живешь и работаешь так, как этого уже почти никто не умеет.

Здесь Шкловские, Степанов, В. М. Ходасевич,¹ Ермолинские, В. Н. Орлов, много режиссеров и около-литер<атурных> девушек, кот<орые> нам уже ни к чему.

Весь твой Ю. О.

Год установлен по почтовому штемпелю отправления на открытке: «2.5.64. Ялта».

¹ Ходасевич Валентина Михайловна (1894–1970) — художница, мемуаристка, племянница В. Ф. Ходасевича.

55

7/V 64 <Москва>

Дорогой друг, спасибо сердечное за твоё теплое письмо. Желаю тебе всяческих радостей — научных, литературных, житейских, всего того, что ты всем своим умственным и душевным существом заслужил.

Три дня с утра до позднего вечера с 4-го до 6-го мы обсуждали, вернее — осуждали книгу Зимина о «Слове». Из 32-х выступавших только 4–5 человек третьего сорта поддержали его. Жалок он был, чувствуя, что потерпел большую неудачу. В. В. Виноградов отсутствовал...¹ Дружеский привет мой тебе, Шкловским, Н. Л. Степанову. У меня по-прежнему мрачно. Кланяйся и А. И. Ходасевич.²

Обнимаю тебя.

Твой Н. Гудзий

¹ Речь идет об обсуждении монографии историка Александра Александровича Зимина (1920–1980) «Слово о полку Игореве (Источники. Время создания. Автор)» (М., 1964, роталитное издание Института истории АН СССР; тираж: 101 экз.), состоявшемся в Отделении истории АН СССР. См. обстоятельные и богато документированные недавние публикации: *Бобров А. Г.* «Заколдованный круг» (о книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // *Русская литература*. 2008. № 3. С. 65–118; *Афиани В. Ю.* Дискуссия вокруг книги А. А. Зимина о «Слове о полку Игореве» в 1964 г.: По документам Архива РАН // *Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания* / Под общ. ред. В. П. Козлова. М., 2012. С. 51–62; *Базанов М.* К истории дискуссий в советской науке: Обсуждение монографии А. Зимина «Слово о полку Игореве» (4–6 мая 1964) // *Вопросы литературы*. 2014. № 1. С. 335–349. Гудзий в своем письме несправедлив по отношению к тем коллегам, которые на обсуждении высказались о монографии положительно, а среди них были такие выдающиеся ученые, как В. Л. Янин, А. И. Клибанов, Я. С. Лурье. Основная часть тиража монографии Зимина была уничтожена, сохранились лишь несколько экземпляров в Архиве РАН. Спустя сорок лет монография была опубликована: *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве / Отв. ред. В. Г. Зимина, О. В. Творогов. СПб., 2006. О содержании своей беседы с Гудзием (в связи с докладом Зимина на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ 27 февраля 1963 года) Оксман рассказывал в письме Струве 2 июня 1963 года, подчеркивая, что он, как и Гудзий, не допускал «никаких сомнений в подлинности „Слова“» (Из архива Гугверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. Р. 63–64). Примечательно в этой связи также письмо Оксмана к Беркову от 26 декабря 1963 года, в котором упоминается и сам Зимин, произведший на Оксмана благоприятное впечатление, и его работа, машинописный экземпляр

которой автор передал ему при личной встрече (Русская литература. 2005. № 4. С. 186). Гудзий был знаком с Зиминим еще с середины 1950-х годов. В его архиве сохранился оттиск статьи Зимина «О приемах научной реконструкции исторических источников X–XVII вв.» (Исторический архив. 1956. № 6. С. 133–143) с надписью: «Глубокоуважаемому Николаю Каллиниковичу Гудзию на добрую память от автора 19/III 57 г.» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 59. № 14. Л. 33). Знакомясь с этой статьей, Гудзий подчеркнул, в частности, фразу Зимина о том, что «Слово о полку Игореве» является литературным образцом для автора «Задонщины».

² Описка Гудзия, речь идет о В. М. Ходасевич.

56

8/VIII 64 <Москва>

Дорогой друг,

Шлю тебе привет из Переделкина, где рассчитываю пробыть до 19–20 августа, т. е. один срок в 26 дней, вопреки настояниям моих родичей во главе с Татьяной Львовной, уговаривающих меня остаться тут хотя бы на полсрока. Не вижу в этом ни пользы, ни удовольствия. Интересующего меня народа тут мало. Вот разве Корней Иванович да Белинков,¹ но Чуковский недомогает, не выходит за пределы своей дачи, по предписанию врачей мало общается даже с друзьями, хандрит особенно после смерти Маршака.² Белинков тоже не весел: жена³ его уронила бутылку с боржомом на ногу, и в результате перелом, уложивший ее в постель. На этих днях уезжает отсюда симпатичный Волькенштейн, приехал с женой лингвист Кацнельсон, но с ним я пока мало общался.⁴ На этих днях ездил в Москву, чтобы навестить Татьяну Львовну в больнице. Состояние ее здоровья не лучше и не хуже; нужна еще третья кардиограмма, пока еще не сделанная, чтобы определить, инфаркт ли у нее или только стенокардия.

Всю первую неделю занят был писанием ответа Жданову и Зайденшнур (17 страниц), который вчера послал в «Русскую литературу».⁵ Время уходило не только на писание, но и на поиски машинистки, на довольно далекое путешествие к ней, на такое же путешествие на почту.

Я не пойму, дорогой друг, твоего непротивленческого отношения к этой гнусной паре. Сам ты когда-то писал мне о желании пересмотреть свои знакомства, сам ты непримирим по отношению к тем, кого ты не считаешь порядочными людьми, а мне рекомендуешь благодушное отношение к людям, которым я не только не сделал зла, но, наоборот, был благожелателен к ним. Если я что-нибудь нужное сделал в своей научной работе, то прежде всего — по редактированию Толстого, а Жд<анов> и Зайд<еншнур>, во многом шедшие по моим стопам, не в первый раз оплатили мне черной неблагодарностью, написав не только гнусную, но и безграмотную и стилистически, и по существу статейку. Чего стоят хотя бы выдумки о Страхове, о том, как нужно печатать «Дьявола», «Отца Сергия», «Живой труп», о том, как нужно считаться с интересами широкого читателя. Демонстрации не собираюсь устраивать, но всякое общение, включая чисто внешнее даже, всячески постараюсь прекратить с этой нечистью.

Будь здоров, мой сердечный привет Антонине Петровне.

Твой Н. Гудзий

Звонил мне П. Г. Богатырев, сообщивший о том, что приехавший в Москву на конгресс Р. О. Якобсон хотел бы встретиться со мной, но в Москву я ехать не могу, устал, пригласил его приехать в Переделкино.⁶

¹ Белинков Аркадий Викторович (1921–1970) — литературовед, писатель, литературный критик, ученик Шкловского; в 1944–1955 годах подвергался арестам, находился в заключении.

В 1960 году опубликовал книгу «Юрий Тынянов», в 1961 году, по рекомендациям Шкловского, Оксмана и Е. Ф. Книпович, был принят в Союз писателей СССР. В 1965 году вышло из печати второе издание книги о Тынянове, а в начале 1968 года две главы его новой книги, над которой он тогда работал, — «Юрий Олеша. Сдача и гибель советского интеллигента» — увидели свет в улан-удэнском журнале «Байкал» (под заглавием «Поэт и толстяк»). В результате редколлегия журнала была реформирована, номера журнала с публикацией Белинкова изымались из библиотек, а сама книга была подвергнута жесткой критике в печати (издана в Мадриде только в 1976 году). В том же году, находясь с женой в Болгарии, Белинков принял решение остаться на Западе, поселиться в США, где он читал лекции в университете штата Индиана и преподавал в Йельском университете. Белинков — автор статьи об Оксмানে, написанной для пятого тома «Краткой литературной энциклопедии» (1968), опубликованной не в первоначальном авторском, а в сильно сокращенном редакцией варианте. Имя в подписи под статьей «Б. И. Колосова» принадлежит домработнице В. В. Жданова, заказавшего Белинкову статью об Оксмানে. См.: *Белинков А. В., Белинкова Н. А. Распря с веком: В два голоса. М., 2008. С. 163–165, 287–292, 309–310* (полная первоначальная редакция текста энциклопедической статьи об Оксмানে), 569–570. См. также: *Struve G. Russia Abroad // The Russian Review. 1976. Vol. 35. № 1. P. 95–97.*

² С. Я. Маршак скончался 4 июля 1964 года.

³ Белинкова-Яблокова Наталья Александровна (урожд. Дергачева) — литератор, редактор; хранительница и публикатор наследия Белинкова.

⁴ Упомянуты: Волькенштейн Василий Михайлович (1883–1974) — поэт, критик, драматург, сценарист, театральный деятель, искусствовед; Кацнельсон Соломон Давидович (1907–1985) — лингвист, специалист по грамматике и лингвистической типологии и его супруга, Брауде Людмила Юльевна (1927–2011) — литературовед, специалист по скандинавским литературам, переводчица.

⁵ Речь идет о статье Гудзия «По поводу статьи В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур об издании сочинений Л. Н. Толстого», являющейся откликом на статью Жданова и Зайденшнур «Еще раз об издании сочинений Л. Н. Толстого». Об их полемике см. прим. 4 к п. 57, а также прим. 13 к письму Оксмана Беркову от 15 ноября 1963 года (*Русская литература. 2005. № 4. С. 185*).

⁶ Якобсон Роман Осипович (1896–1982) — литературовед, лингвист, педагог. Летом 1964 года приезжал в СССР для участия в Седьмом международном конгрессе этнологических и антропологических наук (3–10 августа, Москва).

Дорогой Николай Каллиникович,
спасибо за твое хорошее письмо, оно заменило мне хоть немножко живую беседу с тобою.

В последние недели я почти не выхожу из дому и никого не вижу. Был как-то у меня, правда, Шкловский, но я очень охладел к нему. От самовлюбленности он стал слеп, пишет не о том, что было, а о том, что могло бы задним числом его возвеличить. Имею в виду его «Жили-были» и совсем чудовищные воспоминания о Ю. Н. Тынянове.¹ Ему хочется создать впечатление, что он был единственным другом Юрия, хотя они не виделись годами, тем более что В. Б. резко отрицательно высказывался всегда о романах Тынянова (даже в печати),² а Ю. Н. считал его ренегатом и предателем после известных выступлений Шкловского с отречением от идей Опояза.³ Поразительная пробойная сила В. Б., смелость мысли и боевой задор всегда в нем же совмещал<и>сь с угодничеством, с далеко идущими этическими компромиссами, с паникерством. Всего этого Ю. Н. ему не прощал, да и я сейчас прощать не намерен.

Кстати, ты напрасно меня упрекаешь в защите В. А. Жданова и его музыки. Я очень рад, что ты резко ответил им на их безобразную и претенциозную статью, но, повторяю, у тебя нет оснований для прекращения знакомства с ними. Вернее, знакомство ты можешь и прервать, т. е. уклоняться от встреч и переписки с ними, но для *декларации* об этом у тебя все же нет достаточных

оснований. Они могут упрекнуть тебя в желании закрыть им рот, в нетерпимом отношении к критике.⁴ Я и имел в виду только это. А вообще я нетерпим более тебя. Так, меня глубоко возмутили Асмус и Шкловский, выступившие против Дымшица «вкупе и влюб» с таким грязным кондотьером, как Ермилов. Всякому соглашательству есть предел, особенно если речь идет о печатных выступлениях.⁵

Закончил чтение сборн<ика> в честь В. В. Виноградова. Хороших работ в нем очень мало, — количество не перешло в качество. С литературоведами совсем беда: есть Городецкий и Кириллук, но нет Бонди, Макашина, Богатырева, Чуковского. Нет ни одной статьи по советской литературе. Почему-то нет ни Асмуса, ни Дружинина. Нет и Бурсова.

Прочел еще раз твою статью — и опять убедился в ее самых высоких качествах. Она очень интересна, хорошо аргументирована и к тому же прекрасно написана.⁶

От всей души желаю тебе хорошо отдохнуть, не скучать и скорее вернуться к большой работе.

Антонина Петровна очень благодарит тебя за привет.

Весь твой Юл. О.

Год установлен по сопоставлению с содержанием предшествующего письма Гудзия.

¹ Шкловский В. Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени с конца XIX в. по 1962 г. М., 1964. Несколько страниц главы «Юность кончается» в этой книге посвящены Ю. Н. Тынянову, и, справедливости ради, стоит отметить, что они не производят описываемого Оксманом впечатления. Впоследствии воспоминания Шкловского о Тынянове (датированные 1964 годом), с которыми Оксман мог познакомиться в рукописи и о которых, по всей видимости, идет речь в письме, вошли в сборник: Юрий Тынянов: Писатель и ученый. М., 1966. С. 48–72 (сер. «Жизнь замечательных людей»); дополненный текст с публикацией фрагментов их переписки под названием «Город нашей юности» см.: Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М., 1983. С. 5–37. В декабре 1943 года Шкловский написал пронзительный некролог Тынянову (Шкловский В. Памяти Юрия Тынянова // Знамя. 1944. № 1–2. С. 211). Оксман сообщал Л. Н. Тыняновой 30 мая 1945 года (находясь на вольном поселении в Магадане в ожидании окончания срока): «Я прочел в „Знамени“ то, что написал о Ю<рии> Шкловский и, как всегда в его писаниях, почувствовал „второй план“ его некролога, который дал мне гораздо больше первого, как всегда не очень членораздельного. И горько, горько стало мне, гораздо больше, чем тогда, когда опрокидывалась восемь лет назад моя собственная жизнь» (Из переписки Ю. Г. Оксмана / Вступ. статья и прим. М. О. Чудаковой, Е. А. Тоддеса // Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 163–164). См. также: Шкловский В. Юрий Тынянов // Шкловский В. Встречи. М., 1944. С. 71–74. Переписка Оксмана и Шкловского 1954–1969 годов опубликована: Из переписки Юлиана Оксмана и Виктора Шкловского / Подг. к печати, предисловие и прим. А. В. Громова // Звезда. 1990. № 8. С. 128–141. Прояснить еще одну причину такого отношения Оксмана к Шкловскому позволяет, в частности, дневниковая запись Л. К. Чуковской от 22 октября 1964 года (Чуковская Л. К. Из дневника. Воспоминания / Подг. текста Е. Чуковской. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 292).

² См.: Шкловский В. 1) О людях, которые идут по одной и той же дороге и не знают об этом // Литературная газета. 1932. 17 июля. № 32. С. 4; 2) Об историческом романе и о Юрии Тынянове // Знамя. 1933. № 4. С. 167–174; 3) Об очерке и романе // Литературный критик. 1935. № 8. С. 167–176; 4) Роман Юрия Тынянова «Пушкин» // Там же. 1937. № 8. С. 123–133.

³ Наиболее верным комментарием к этим словам могут служить воспоминания Оксмана о Тынянове, написанные в 1960-е годы (первые записи и попытки мемуарного повествования о нем относятся к 1940-м годам): «Отношения Ю. Н. с В. Б. Шкловским были неровными, полными недоговоренности и взаимных подозрений. Ю. Н. был оскорблен недооценкой Шкловским его романов, его менторскими интонациями и впоследствии его готовностью на далеко идущие компромиссы. Статья Шкловского периода 1934–1936 гг. (отречение от формалистической поэтики) обычно вызывали прямое возмущение Тынянова, но личное обаяние Шкловского было сильно и в эту пору» (Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Тынянов в воспоминаниях современника // Тыняновский сборник: Первые тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 96). Подразумевается статья Шкловского «Памятник научной ошибке» (Литературная газета. 1930. 27 янв. № 4. С. 1) и последующие его статьи той же направленности: О формализме // Литературный Ленинград. 1936. 26 апр. № 20. С. 3; Разговор с друзьями (О формализме в кино) // Звезда. 1936. № 8. С. 187–198. См. так-

же письма Шкловского Тынянову 1929–1937 годов, в некоторых из них действительно присутствуют отмеченные Оксманом «менторские интонации»: Из переписки Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума с В. Б. Шкловским / Вступ. заметка, публ. и комм. О. Панченко // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 185–218; Почта века. Из переписки В. Шкловского // Грани. 2003. № 207–208. С. 401–409.

⁴ Полемика по вопросам текстологии произведений Л. Н. Толстого, развернувшаяся между Гудзием и В. А. Ждановым и Э. Е. Зайденшнур в 1959–1964 годах, нашла свое отражение в печати в целом ряде статей: *Зайденшнур Э. Е.* По поводу текста «Войны и мира» // Новый мир. 1959. № 6. С. 278–282; *Гудзий Н. К.* 1) Что считать «каноническим» текстом «Войны и мира» // Новый мир. 1963. № 4. С. 234–246; 2) Еще раз о каноническом тексте «Войны и мира» // Вопросы литературы. 1964. № 2. С. 190–200; *Жданов В. А., Зайденшнур Э. Е.* Еще раз об издании сочинений Л. Н. Толстого // Русская литература. 1964. № 2. С. 133–139; *Гудзий Н. К.* 1) По поводу статьи В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур об издании сочинений Л. Н. Толстого // Там же. 1964. № 4. С. 200–205; 2) Текстологические пояснения // Толстой Л. Н. Воскресение / Изд. подг. Н. К. Гудзий и Е. А. Маймин. М., 1964. С. 548, 550 (сер. «Литературные памятники»). См. также: *Гродецкая А. Г.* Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия (Принципы. Полемика. Итоги) // Русская литература. 2012. № 3. С. 70–84; *Опуньская Л. Д.* Как же печатать «Войну и мир»? // Страницы истории русской литературы. М., 1971. С. 306–315.

⁵ Это не вполне справедливое замечание Оксмана касается еще одной полемики, связанной с вышедшей в 1963 году книгой литературоведа, философа Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975) «Проблемы поэтики Достоевского» (впервые опубликована в 1929 году под названием «Проблемы творчества Достоевского»). Началась она со статьи, в которой во главу угла были вновь поставлены имеющие давнюю историю обвинения Бахтина в формализме: *Дымшиц А.* Монологи и диалоги // Литературная газета. 1964. 11 июля. № 82. С. 2–3. Статья открывается критикой самого исследовательского метода Бахтина, которая по тону и лексике больше напоминает политическое обвинение: «Расхождения с М. Бахтиным серьезные и принципиальные. Они лежат в сфере эстетики, в области методологии. Это спор, направленный против формального, метафизического мышления, против субъективистских и формалистических мотивов в исследовании». Полемика была продолжена весьма убедительной по аргументации статьей, авторы которой писали о том, что статья А. Л. Дымшица «вызывает ряд недоуменных вопросов <...> Читатель ждет объективного разбора книги. Он уверен, что если М. Бахтин сделал значительные открытия, то автор статьи скажет об этих открытиях. Но А. Дымшиц ничего о них не говорит. Ибо они не укладываются в его схему. И невозможно понять, как смог формалист, который только стремился уйти от формализма, сделать открытия, прочно вошедшие в нашу науку» (*Василевская И., Мясников А.* Разберемся по существу // Литературная газета. 1964. 6 авг. № 93. С. 2–3). Оксман в письме Гудзю упоминает коллективную статью: *Асмус В., Ермилов В., Перцов В., Храпченко М., Шкловский В.* В редакцию «Литературной газеты» // Литературная газета. 1964. 13 авг. № 96. С. 2. Основная ее мысль была выражена следующим образом: «... в целом статью А. Дымшица нельзя признать удачной. В ней слишком много досадных противоречий и неубедительных выводов <...> Критик не исходит из какой-либо своей позитивной концепции творчества великого русского писателя, а целиком остается лишь в пределах негативной полемики с высказываниями М. Бахтина». В данном случае приходится признать, что Оксман был неправ (не принципиально, а по существу), ставя в упрек В. Ф. Асмусу и В. Б. Шкловскому печатное выступление против Дымшица «вкуче и влобе» с действительно одиозной фигурой — В. В. Ермиловым (прим. 7 к п. 25). В том же номере «Литературной газеты» была опубликована ответная реплика Дымшица «Восхваление или критика?» на статью И. Василевской и А. Мясникова, содержащая примечательный постскриптум, в котором автор, решив, что авторы письма «В редакцию „Литературной газеты“» уличили его в защите «идеолога символизма Вяч. Иванова» от критики Бахтина, поспешил повторить характеристику Иванова как «философа-ИДЕАЛИСТА» и открыться от безосновательных обвинений «в симпатиях к известному реакционеру». Третья часть текста ответной статьи Дымшица представляет собой цитаты из его июльской статьи с дополнительными разъяснениями, с некоторыми критическими замечаниями и риторическими вопросами такого рода: «Соавторы пытаются убедить нас в том, что М. Бахтин связывает Достоевского с традициями русского реализма. Но это не так. Наоборот, у М. Бахтина Достоевский противопоставляется всей русской литературе <...> можно ли исследовать поэтику, условно отделяя ее от конкретно-исторической действительности? <...> Можно ли доводить противопоставление монологического и диалогического мышления до абсурда?» (*Дымшиц Ал.* Восхваление или критика? // Литературная газета. 1964. 13 авг. № 96. С. 2–3).

⁶ Проблемы современной филологии: Сб. статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М., 1965. Сборник вышел в свет в самом начале 1965 года. Оксман рецензировал это издание в рукописи для РИСО АН СССР в августе 1964 года, о чем свидетельствует его письмо Беркову от 26 августа (Русская литература. 2005. № 4. С. 195). В сборнике опубликована статья Оксмана «К вопросу о перечнях анонимных произведений Добролюбова, составленных

Н. Г. Чернышевским» и статья Гудзия «К вопросу о пушкинских текстах (О посмертном издании сочинений Пушкина)». В письме также упомянуты статья Б. П. Городецкого «Пушкин после восстания декабристов. (Загадочная запись Пушкина 1826 г.)» и статья Е. П. Кирилюка «Мировое признание Шевченко (конец XIX — начало XX столетия)». Всего в книге увидели свет статьи и сообщения 76 авторов (что, по-видимому, и вызвало ироничное замечание Оксмана), не считая предисловия Н. Ю. Шведовой и библиографического списка работ Виноградова 1955–1964 годов (составленного Ф. Ф. Кузьминым). В письме названы, помимо упоминавшихся ранее, философ, литературовед Валентин Фердинандович Асмус (1894–1975) и историк, академик АН СССР Николай Михайлович Дружинин (1886–1986).

58

<10 января 1965 года. Москва>

ДОРОГОГО ДРУГА ТАЛАНТЛИВОГО УЧЕНОГО СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ СО СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЕМ САМЫЕ ДУШЕВНЫЕ МОИ ПОЖЕЛАНИЯ ВСЯЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДУШЕВНОГО ПОКОЯ ТВОРЧЕСКИХ УДАЧ = ГУДЗИЙ¹

Телеграмма. Штемпель отправления: «10.01.65. Москва».

¹ В январе 1965 года Оксману исполнилось 70 лет.